

250 лет Университету

10 лет газете «Татьянин День»

10 лет со времени возобновления богослужений в Храме

Издается по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

№ 1
(58)

Православная студенческая газета МГУ

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Январь
2005



← стр. 18 История храма в картинках

← стр. 20 Болонский папалм

← стр. 30 Историческая сага Первого канала



В этом номере:

Все выше, и выше,
и выше — по «траектории
специалиста»

Интервью с ректором МГУ стр. 10

«Мы воспринимали
возможность получить
образование как милость
Божию...»

Интервью со Святейшим Патриархом стр. 6

Православный «андеграунд»:
сокровище татьянинского
подвала

Интервью с первым редактором ТД стр. 14

Колонка главного редактора

Все дороги ведут в Рим —
к св. мц. Татьяне

Три юбилея — храма, Университета и газеты — как три матрешки, которые встают одна в другую. А ты опущаешь себя самой крохотной матрешечкой — той неравной, в самой глубине. А три большие обнимают тебя как один многослойный универсум.

Знаменательно, что почти половину своей среднестатистической жизни мы утисили, причем непрерывно. О чем мы мечтали в детстве? Тем-то и тем-то *стать*. Жаждали деятельности и интересной жизни. Неважно, будет ли эта жизнь кипеть в геолого-разведочной экспедиции или в математических построениях в ученой голове. И когда стройный шпиль громадного, парижского над городом, главного здания самого главного университета страны туманным видением еще только смутно забрезжил в душе, мы уже знали, что будем учиться здесь. Какое огромное количество семинаров, в тематике которых мы вообще ничего не смыслили! «Зачем они вам?» Но как же! Само погружение в научный дискусс добавляет ни с чем не сравнимое наслаждение.

Что нас мучило в юности? Поиск смысла жизни. В какой-то момент, когда с учебной все устояло, научные руководители определялись и студенческая жизнь была ключом, все отчетливее ощущалось — чего-то в жизни не достает. Может быть, осмысленности каждодневных действий? И вот ты топчешься высокую, тяжелую дверь желтого фангеля на Большой Никитской: вверх убегает лестница, ты поднимаешь глаза — строгий и спокойный взгляд мученицы Татьяны смотрит прямо на тебя сверху вниз. Круг замкнулся. Дорога пришла в Рим — к святой мученице Татьяне. Теперь, когда с дореволюционных восстановленных фотографий прабабушки в окружении гимназистов и прадедушки в форменных университетских котелках (агитные значки ввинчены в лацканы) смотрит на меня сквозь семьдесят с лишним лет, я вполне понимаю их — цель времен срослась.

Одна эпоха сменяла другую, мы росли, взрослели и, наконец, доросли до мудрости наших предков. Татьянин день снова торжественно празднуется как день рождения Университета, праздник каждого студента и интеллигента. «Отсюда смотрю, как начинается свой праздник обитель высших знаний: и что вижу? — С благоговением приводит она и наставников, и наставляемых пред лице Учителя, Который провозгласил Себя единственным Учителем, и, следовательно, всех человеческих учителей низвел в разряд учеников» (Слово св. Филарета, митрополита Московского в день совершившегося стотлетия Императорского Московского университета).

Главный редактор ТА
Любовь Макарова

ДОМОВАЯ ЦЕРКОВЬ

10 лет спустя

Беседовали

Елена Дятлова, выпускник МИДА,
и Екатерина Дубосарская, аспирант филфака МГУ

Юбилей храма стал хорошим поводом собраться за праздничным столом с людьми, стоявшими у истоков общины. Сидели в библиотеке, пили чай и вспоминали, как все начиналось:

Григорий Александрович Любимов, д-р физ.-матем. наук, профессор (ИМ МГУ), лауреат Государственной премии, засл. деятель науки РФ;

Татьяна Викторовна Москвина, киновед, научный сотрудник НИИ киноискусства;

Прот. Максим Козлов, настоятель домового храма св. мц. Татьяны при МГУ;

Наталья Львовна Волкова, преподаватель английского языка в классической гимназии Ю.А. Шичалина;

Александр Егорцев, корреспондент телепрограммы «Русский взгляд», в прошлом — заместитель главного редактора газеты «Татьянин день»;

Александр Александрович Волков, д-р филол. наук, профессор, завкафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ;

Татьяна Олеговна Йенсен, кинокритик, редактор журнала «Искусство кино»;

Алексей Алексеевич Барнин, д-р физ.-матем. наук, профессор (ИМ МГУ), лауреат Государственной премии, академик РАН;

Иер. Павел Конотопов, клирик храма св. мц. Татьяны, в прошлом — старший алтарник, верстальщик газеты «Татьянин день», дьякон.



Весна 1994 г.: молебен на филфаке

В начале было...



Г.А. Любимов: Самое начало было тогда, когда в 1991 г. по приглашению студентов и преподавателей экономического факультета в главное здание МГУ приехал патриарх и отслужил молебен. Спустя год на первом годовом акте Православного Свято-Тихоновского Богословского Института в главном здании МГУ я впервые упомянул, что хорошо бы отдать верующим храм. Все зааплодиро-

вали, но самое удивительное было то, что после выступления ко мне подошел ректор Кулаков и сказал: «Дайте, действуйте. Почему бы не вернуть храм?» Я пошел к Садоничеву. Виктор Антонович положительно отнесся к делу, сказал, что по поводу театра надо поговорить с В.В. Козловым, ученым секретарем Совета университета.

Т.О. Йенсен: В те годы в здании был не просто театр — устраивали вальсы!

Т.В. Москвина: Еще была какая-то выставка собак. Собака Чернобырдина получила первый приз...

Г.А. Любимов: Затем на заседании Совета университета ректор выступил с докладом, что надо музей и храм организовать, а театр

отсюда вывезти. Началось обсуждение, были удивительные высказывания. Кто-то со слезами на глазах говорил: как же так, отдать это помещение церкви, когда в нем я играла в кружке самодельности, и там вся жизнь прошла! Другой вспоминал, как он тут заседал на комсомольском собрании. Среди всех возгласов и криков я один выступил за. Но Садовничий уже говорил твердо. Поэтому единогласно проголосовали, что храм нужно отдать, сознавая, что будет большой скандал.

о. Максим: Я получил назначение 4 января 1994 г. Специального желания попасть сюда у меня не было. Но во что я ввязался, я тогда еще не понимал. Казаюк позвонил в ректорат, встретусь с Садовничим, он приказ подписать, и сразу же начнем. Конфронтация выглядела очень несерьезной: сидят там какие-то люди, но есть же начальство — напишут бумагу, придут, выгонят. А потом оказалось, что к Садовничему не попасть; что никто и не собирается ни признавать, ни реагировать. Только тогда я потихоньку начал осознавать серьезность ситуации.

Г.А. Любимов: Ректор не мог активно принимать какую-то сторону, тогда бы на него посыпалась еще больше обвинений. Но справедливость требует сказать, что внутри себя вопрос о создании храма он решил. А дальше была политика.

Н.А. Волкова: В конце концов, вот такое общественное мероприятие превращается в ряд личных историй. Так складывается приход, наверное. Моего Сауду, тогда маленького мамзитуку, о. Максим пригласил. В гимназии Шичадина, где я работаю, о. Максим преподавал Закон Божий. Потом сама гимназия вышла в этот храм. И я осталась.



Т.О. Иенсен: Когда я узнала, что собирается приход возможной будущей возмужной и церкви при Университете, мне это показало серьезность нереальной и м. Я пришла только

потому, что, во-первых, я Татьяна, во-вторых, кончала Университет. Это было самое время перестройки: плавленные сырки в Москве пропали, а о. Максим говорит: при Университете будет храм, давайте запишем, что нам нужно для первого богослужения. И мы купили иконку св. мц. Татьяны — ту самую, которая сейчас висит в трапезной.

о. Максим: Примерно в то же время нам пожертвовали довольно большую сум-



Через 2 часа после освобождения храма

му денег на покупку церковного имущества. И вот почти год, до начала богослужений, я жила дома в окружении хоругов, аналоев, облачений — такой небольшой филиал софринского музея.

А. Егорцев: В январе 94 г. мы с будущим первым главком редактором газеты «Татьянин день» Владиком Томачинским прочли в нашем I гуманитарном корпусе МГУ объявление о том, что в Казанском соборе на Красной площади состоится молебен перед началом открытия храма св. мц. Татьяны Московского университета. Я тогда учился на 3 курсе и мечтал прибыть к какому-нибудь храму, где все надо начинать с нуля (немерзая юношеская активность); мне все грезилося, что мы будем кирпичи класть. Владик мне говорит: давай съезди на молебен. А я: ты съезди на рязевку, там, наверное, обитри стабильная, храм уже стоит. Владик возвращается и докладывает: обитри вообще никакой, 7-8 человек. Есть молодой священник, окончил Университет, интересный, с ним можно говорить по-человечески. И мы поехали на второй молебен. Так и началось. А потом в здании будущего храма была пресс-конференция студенческого театра, на которую нам под видом псевдожурналистов удалось пробраться. Там мы по-улыбались, что звезды нашего шоу-бизнеса говорили против театра выступают маргиналы, членосотенции, православные агресоры.

Потом была знаменитый Пасхальный молебен — в красных пасхальных облачениях возле здания храма. Мы вежливо молялись, а театралы, Болшакова и ее супруг, выглядели из-за дверей. Мы благочестивый крестный ход вокруг здания: окропили святой водой запертые двери, позвонили им и тихо-мирно ра-

зопались. А через несколько дней покатались волна публикации: то ли 7, то ли 11 статей за 2 недели в университетской прессе. Была одна положительная статья — в газете «Известия». А в основном — «Храм на крови искусства» и тому подобные заголовки. Обитри храма св. мц. Татьяны обратились в судебную палату по информационным спорам.

Т.О. Иенсен: Против передачи храма организовывали письма, их подписывали Марк Захаров, Роман Быков, Юрий Никулин, но они толком ничего не знали. Говорили, что это — колыбель театрального искусства. И действительно, здесь был Малый Театр в XIX веке. Но ведь писали и то, что никогда здесь никакой церкви не было, а всегда был театр, и студенты выгоняют на улицу. Хотя театру давали несколько разных помещений, в том числе и в МГУ, в главном здании. То есть раньше было открыто. А люди считали, что церковники выгоняют бедных студентов. И сердобольный Юрий Никулин подписывала это письмо. Однако раздавался голос и в нашу поддержку — за нас был Михалков. Там были сильные, и здесь были сильные — один генералы против других генералов.

о. Максим: В то же время мы выиграли информационный суд. Документ мы передали в ректорат. После этого пресса затихла.

Г.А. Любимов: А театр сел в осаду. Скажи, что они отсюда не выйдут.

о. Максим: Пришло действовать решительно. После ранней аянтурны 22 января 1995 г., в день памяти св. Филиппа, свят. Московского, мы собрались рядом с хра-

Домовая церковь

мом во дворе. Было более 100 человек: студенты, преподаватели. Удалось попасть в храм — и были выведены ночевавшие там, мы вошли, стали заносить церковное имущество. Поставили рядом со сценой престол (он уже был собран), подсвечники, хоругви. И сразу стали демонтировать стулья (театру тогда уже дали свое помещение). В этот момент стало понятно, что в храме нужно служить. О службе как-то узнали люди. Народу было достаточно, даже телевидение приехало. Был наместник Новоспасского монастыря владыка Алексей, был о. Андрей Кураев, был князь Трубецкой, известный биолог. Саша (Егорцев) с Пашей, будущим о. Павлом, и с Владиком, будущим о. Симеоном, алтарничали.

А. Егорцев: Я помню жуткий эпизод: о. Павел, тогда еще только Паша, был более подкован в алтарническом служении. Наш иконостас находился тогда посреди зала перед сценой. А алтарная комнатка — за сценой, за занавесом. Паша мне говорит: бери за сцену, там на электронике расклеивается уголь, принеси для каднала. Я бегу туда — ничего не понимаю: лежит уголь, красный, раскаленный, как его взять? Я, конечно, знаю истории про христианских мучеников, но... Прибегаю обратно, говорю Паше, чем его брать-то, уголь раскаленный? Он: некогда, патриарх тут! Иди, пила возьми на сцене. В общем, как-то беру пилой-ручкой этот уголь, кладу на пилу и трепусниваю руками несую его на пиле обратно. Это было первое патриаршее богослужение. Надоело мне эта пила запомнилась.

о. Павел: Через меня как старшего алтарника прошли все временные иконостасы, балконы, пьалы, железки. Конечно, когда мы сюда вошли, первое, что было, — непонятно, как восстанавливать, страшно все это было видеть. Но глаза боится — руки делают. И с Божией помощью восстанавливали. Много людей приходило, помогало.

о. Максим: Да, как-то в первый раз второй год мы служили в основном ввиду. На Пасху должны были переместиться в соседней раз наверх. Помню, тогда иконостас бумажный продавался, мы его наклеили на стены. И вот супруга Григория Александровича, Татьяна Максимовна, тогда мне сказала: «о. Максим, ну что у нас тут так неблагообразно? Грязно как-то, стены выдолблены...» У меня как пелена с глаз спала. Ми все другим занимаюсь газеты какие-то, деятельность... Есть храм — и есть, алтарь поставили — и слава Богу. А тут я ее глазами посмотрел: действительно, пьалы, грязновато... надо менять. И с этих слов начался иной отсчет времени.

Начал фрагментами что-то создавать: разобрал сцену, балкон, настелил пол. Колоссальным прорывом был демонтаж металлоконструкции над алтарем и восстанов-



ление свода. Тогда мы перекрасили храм в те цвета, в которых он есть теперь, установили иконостас о. Александра Киселева. Появились наружная фреска, надпись и крест, после которых я сказал, что свою роль я уже выполнил. Дальше будь что будет.

Г.А. Любимов: о. Артемий Владимиров сказал тогда мудрые слова: вы думаете, что самое тяжелое уже совершили. На самом деле — нет, самое тяжелое еще впереди, и дай Бог, чтобы вы все тут не перепугались и все это не кончилось ничем.

Храм св. мц. Татьяны — домовой храм МГУ

А.А. Волков: Конечно, не стоило думать, что домовой храм будет приходским храмом всего Университета: есть много верующих в Университете, которые ходят в свои приходы. Но мне кажется, что наличие храма многих побуждает идти в церковь.

Г.А. Любимов: Да, это самый молодой приход.



А.А. Бар-
мин: С самого основания храма стали возможными беседы со священником, причем можно было не только задать вопрос, но

и получить удовлетворительный ответ. Светские люди с очень проблемными ситуациями сюда приходили, многие из них здесь после крестинья. Далеко не во всех храмах такое есть.



здесь была активная работа: все время какие-то школы, вечера.

о. Павел: Удивительные люди здесь собрались.

Г.А. Любимов: Да, Татьяна всей Москвы — в единственном храме св. Татьяны.

о. Максим: Наше расписание богослужений, характер проповедей, публикации, подбор продаваемой литературы, подбор клириков ориентированы на людей с университетским (высшим) образованием. А тогда никто не знал, что такое домовой храм. Говорили: нужно вести работу на факультетах, организовывать мероприятия дискуссионного характера. Жизнь показала, что в этом смысла нет. Надо стараться не

ДОМОВАЯ ЦЕРКОВЬ

пропускать то, что Господь посылает. Мы живы по прищипу: возникали ситуации, нужно было что-то отвечать, и мы реагировали. Газета, школа были посланы. Реально молодые люди, помимо богослужений, собирались тогда вокруг газет.

о. Павел: Да, это было золотое время «Татьянин день», когда Владик Томьинский, Саша Егорьев и другие люди сидели в подвале, я отвечал за суботу техническую часть вопроса: верстал. Тогда в храм приходило на 5 минут и уходило поздно вечером.

о. Максим: Стали понятными две вещи: с одной стороны, нужно было делать что-то пристойное, человеческое и не отталкивающее людей, — задача внутренняя я главная. С другой, была задача пригнать ректорат и руководство Университета к той мысли, что мы им не оппоненты, что мы все-таки, надо, регулярно и легитимно. Сейчас существует идея развития отношений между Духовной Академией и Университетом: попробовать подготовить такой курс к следующему году, который читался бы не нашими канистриками, а ведущими профессорами, преподавателями Академии в Университете. Возможно, в форме факультатива, публичных чтений. Имело бы смысла собрать не только православных студентов, но и интересующихся. Пусть придет немного человек, по 15-20 с факультета, но волна будет расходитьса. Также эти межвузовские связи послужили бы и развитию научного сотрудничества.

Юбилей — повод прощать долги

Т.В. Москвина: Когда я от Татьяны Олеговны узнала, что в Москве будет Татьянинский храм, я, конечно, на имя сразу откликнулась. Помню, что я была втянута в ситуацию противостояния храма



и театра в печати. Пришла одна журналистка и говорит: покажите тот вандализм, который тут случился на днях, как лепнину сбивали и все разрушили. Салава Богу, у меня были фотографии храма до революции, и я ей показала. Мы прошли по всем этим местам, она посмотрела, какое здесь было когда-то благолепие, а осталась такая мерзость и запущенность, что невозможно передать. Девушка ушла совсем в другом состоянии, чем пришла. У меня не было ни мгновения сомнения, что храм будет. Может быть, потому, что «Татьянин день» — эзотерика и личность о. Максима, и тех, кто в храме тогда собрался. Ведь в об-

щине главное совместная молитва на богослужении. Храм становится с каждым годом все краше и краше, я прихожу и чувствую, что устройство храма — как дома. Что храм — это часть жизни и памяти.

Т.О. Йенсен: Мне одна подруга сказала: знаешь, я вместе с храмом стала взрослеть. И эта фраза мне как-то западала: можно в жизни так же возрастать вместе с храмом, а мне по своему неохоту это было очень нужно. Татьянинский храм, правда, стал домом, есть ощущение прихода, подставленного плеча. Иногда даже не знаешь, как человека зовут, но опущушь, что его нет, а когда он появляется, радуешься, что здоров, и слава Богу. Ты обрастаешь этими людьми — это может быть более ценным в жизни?



А.А. Волков: Хорошо и важно то, что в храме всегда чувствуешь себя в безопасности — в смысле вероучения. Здесь никогда не будет недоразумений вроде того, каким концом куда

свечку вставлять надо, а куда не надо, потому что батюшка не позволит. Здесь всегда будет правильно петь хор, потому что батюшка не допустит: Все будет делаться согласно православному вероучению и святой нашей матери Церкви. Храм действительно настоящий, в нем серьезная богослужебная дисциплина.

Н.А. Волкова: Я вот думаю, надо сказать об особенностях нашего храма, нашего прихода. А, может быть, в другом храме в другом приходе я жила бы так же, как живу здесь. Вот и все. Я очень его люблю, и я люблю всех тех, кто здесь бывает.

о. Павел: Лично для меня храм мц. Татьяны — вся моя жизнь. Я сюда пришел еще совсем молодым человеком. Здесь встретил свою супругу, здесь родился все мои дети. Здесь я стал доктором, священником. Если вычеркнуть учебу, работу, то большую часть времени я проводил здесь.

А.А. Бармин: Сейчас, когда я прихожу, меня радует благолепие храма, которое появилось вместо того, что было. Еще приятно, что о. Максим за всеобщую всегда говорит краткое слово, как-то просвещает нас о значимости праздника. Радует, что как ни в каком другом храме молодых аиц здесь много, причем они прибавляются, поскольку я здесь бываю дискретно и для меня это более заметно.

А. Егорьев: Татьянинский храм для меня жизненную закалку, научил терпеть внешние сложности и добиваться какой-то цели; дал потрясание хороших людей. Для меня храм — это тот миром, каким был и Уни-верситет, который мы учились, потому что мы здесь проводили все время с утра до вечера. Люди не просто молились и уходили в какую-то свою жизнь, нет, оставались, и у каждого находилась масса дел при храме. Храм наш был и остается оазисом в этой современной жизни — в том, какие здесь люди, какие отношения между ними, даже какое здесь христианство.

о. Максим: Мое пребывание в храме — естественное церковное послушание. Конечно, помог опыт служения в Казанском соборе. У приснопамятного о. Архидиа Станько я понял вещи, связанные с настоятельским учением: что можно добиваться дисциплины от всех, но нельзя ни в коем случае добиваться принудительного единодушия, тем более нельзя добиваться, чтобы тебя любили и тебя слушались только из-за того, что любишь. Это мучительное всего, когда из человека выжимаешь такого рода послушание. Можно добиться соблюдения устава, но не смеи трогать человека, ты не имеешь права заставлять его себя любить.

В жизни каждого из нас бывает встреча с неким жизненным идеалом, для меня им на всю жизнь останется о. Александр Егоров!. Этому священнику я обязан всем в своей жизни. Я старался удерживать хоть что-то из того духа, который был у о. Александра. Ситуация, которая складывается в храме, в значительной мере определяется тем, за кем люди сами священники, теми отношениями, которые складываются между духовенством.

Есть еще одна опасность, которую я опущу: все время: опасность элитарности. Очень надеюсь, что мы не стали приходом с особенным самосознанием. Ну, а дальше все в руках Божиих: никто из нас не знает, как долго он здесь будет, что будет дальше, но что бы ни было, годы, каждам из нас прожить здесь, дают основание Бога благодарить. В моей жизни это были главные годы; ничего более значительного уже не будет. Так что вверим себя в руки Божии, а я еще раз хочу напомнить слова свт. Филарета: юбилей ветхозаветных евреев был поводом прощать долги. Мы обратим юбилей в повод одаживаться и тратить Бог знает сколько денег. Давайте осознаем это покаяние и проживем этот период спокойной, с тем, чтобы потом началось регулярная жизнь, и мы могли ожидать, что следующий юбилей будет нескорю.

¹ Несколько десятилетий прослужил в храме са прор. Божий Илия в Общественном переулке. Был известен как опытный духовник. Его духовными чадами являлись десятки канириков, ныне служащих в Русской Церкви.®

10 ЛЕТ ХРАМУ

«Мы воспринимали возможность получить образование как милость Божию...»

В преддверии сугубого юбилея Святейший Патриарх ответил на вопросы главного редактора ТД.



Татьянин день. 1996 год

— Ваше Святейшество, чем Вы руководствовались, когда благословили и всячески поддержали восстановление храма в стенах Университета в условиях враждебных и даже агрессивных настроений общественности? Что Вы думали о судьбе храма?

— Прежде всего, возрождение храма при Московском университете началось, что очень важно, «снизу», и это не было волевым решением руководства МГУ, идея восстановления храма мученицы Татьяны исходила от студентов и преподавателей самого Университета. Для нас было очень важно именно это — желание иметь свой храм выражает сама Университет. И в этой ситуации было особенно существенно поддержать начинание, которое было тогда совершенно новым. Действительно, храм мученицы Татьяны при МГУ был первым храмом при высшем учебном заведении, и, конечно, очень важно, что этим первым храмом стал храм при первом как по древности, так и по месту в образовательном процессе российском университете. Поэтому совершенно не случайно, что еще до фактического открытия храма нами было принято решение о присвоении храму статуса Патриаршего подворья, то есть храма, имеющего особое положение и значение для всего российского студенчества. И мы помним, сколько лжи и клеветы вышло со стороны недружественных СМИ и на ректора МГУ Виктора Антоновича Садовничева, и на общину храма во время того противостояния, которое дли-

лось не один месяц. Но ведь такого рода отношение должно только укреплять нас, православных христиан, в уверенности того, что совершение нужное и важное дело. И действительно, несмотря на враждебность со стороны многих и многих, стараниями руководства МГУ и университетской общины буквально за несколько дней до Татьянинного дня 1995 года в храме вновь зазвучала церковная молитва. Тогда, конечно, сложно было думать что-то определенное о будущем храма, перед настоятелем и общиной храма нами была поставлена первоочередная задача по упорядочению всей той мерзости запустения, которая тогда царяла в стенах бывшего театра.

— Каким вспоминается первое посещение, каковы были впечатления от увиденного, как внутренне Вы откликнулись на возрожденный храм?

— Первый раз мы посетили храм мученицы Татьяны в 1991 году, когда 25 января нами был отслужен молебен с акафистом небесной покровительнице Московского университета. Тогда здесь располагался театр МГУ, и возникло большое количество вопросов, нежели ответов, когда сюда вернется

нормальная церковная жизнь, кто будет приводить в порядок храм, потому что пребывал он тогда в совершенно плачевном состоянии. Но после возвращения храма обители в 1995 году я в очередной раз убедился, насколько действительна молитва к Богу и усердие людей о восстановлении храма. Всякий раз, посещая храм святой мученицы Татьяны, можно было видеть, как многое изменилось, внутренне убранным все больше приобретало черты православного храма. И в этом, безусловно, первоочередная заслуга принадлежниц ректору МГУ Виктору Антоновичу Садовничеву, который очень многое сделал для возобновления нормальной церковной жизни в стенах этого святого храма. И нам отрадно было видеть, как много было сделано накануне юбилея храма, когда прошедшим Великим постом, в день Похвалы Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, мы возглавляли торжественный чин Великого освящения храма и совершили в нем первую патриаршую Божественную литургию. Промыслительно, что это случилось, когда храм приобрел тот облик, который принадлежит православному храму.

— Ваши студенческие годы — какая это была пора? Насколько нынешнее студенческое время отличается от Вашего?

— Я поступал в Ленинградскую Духовную Семинарию в 1946 году, после окончания самой трагической войны, которая принесла неисчислимые страдания нашему народу и народам Европы, огромное количество жертв, разрушение городов и сел. Духовное образование после длительного перерыва было милостью Божией возрождено. Профессорами и преподавателями стали люди, которые получили богословское образование до революции, прошли через тяжелые годы испытаний и унижений. Некоторые из них спели свою лебедью песню, но оставили в сердцах воспитанников светлую о себе память, ибо, несмотря на возраст и болезни, отдавали все свои силы и знания нам, пришедшим обучаться в возрожденные духовные школы, и учили нас примером своей жизни и примером глубокой веры. Мы, ученики возрожденной духовной школы, воспринимали как милость



Святейший Патриарх в студенческие годы.

10 ЛЕТ ХРАМУ



В день освящения храма Великим чином. 2004 г.

Божью возможность получить духовное образование. Мы обучались с огромным энтузиазмом, мы ценили эту возможность, дорожили ею и старались использовать предоставленную возможность для того, чтобы получить как можно больше знаний, которые так будут необходимы нам для пастырского служения в будущем. Мне кажется, что нынешнее студенчество не настолько ценит возможность получить образование, воспринимая это как что-то само собой разумеющееся. В этом я вижу весьма существенное различие.

— **Что бы Вы хотели пожелать современному студенту?**

— Современному студенту хотелось бы, прежде всего, пожелать, чтобы он помнил о том, ради чего он учится. Сейчас, в наше время, очень часто можно увидеть потребительское отношение к жизни, от которой нужно взять все, и процесс образования зачастую так же сводится к получению какого-то минимума знаний, который в дальнейшем способствовал бы зарабатыванию денег. Но всякий человек, получающий высшее образование, должен помнить о том, что, помимо личной пользы, образование ему дается и для того, чтобы он мог послужить своему Отечеству, каждый из нас обязан вкладывать свой труд для блага России. На современных студентах лежит особая ответственность за будущее нашей страны.

— **Как Вы относитесь к решению московского правительства сделать Татьянин день официальным праздником города Москвы? Поможет ли это осознанию общенационально, и прежде всего самими студентами, связанности «официального праздника студента» с Днем Небесной покровительницы всего российского студенчества мученицы Татианы?**

— Когда мы говорим о том или ином празднике, важно помнить об истоках этого праздника. В советское время все праздники так или иначе были связаны с моментами

связанных с церковно-бogosлужебным годом, так и народных. И будет хорошо, если мы сможем восстановить те или иные утраченные за семидесять лет традиции. То же можно сказать и в отношении празднования Татьянинного дня. Было оправданно, когда в начале 90-х стараниями ректора МГУ Виктора Антоновича Садовниченко было восстановлено празднование Татьянинного дня как дня и Московского университета, и всего российского студенчества. Мы помним, что до революции этот день был выходным, праздничным, «студенческой вольницей», начинавшимся, впрочем, с богослужения в Татьянинском храме. Поэтому можно только приветствовать решение московского правительства о придании этому дню статуса официального московского праздника.

— **Сейчас развивается процесс сотрудничества высшего светского и духовного образования. Что, на Ваш взгляд, является в этом процессе наиболее важным? Какие существуют проблемы? Чего мы можем достичь? Кого воспитать?**

истории богореческой власти, и сейчас праздновать те или иные праздники, имеющие прямую связь с революцией, странно и неоправданно. И не потому, что мы отрываемся от своей истории, а потому, что наша история знает куда больше славных событий, нежели трагические дни 1917 года. Русский народ всегда имел много праздников — как

— Да, действительно, современная жизнь заставляет нас осознавать, что в обзорной перспективе взаимодействие Церкви и систем светского образования будет расширяться. Причинами этого является то, что служение будущему паству будет проходить в современном мире с его публичностью, активным общением, диалогом культур и традиций, в обществе, которое основано на свободном высказывании разных точек зрения. А для того, чтобы выпускники духовных школ были готовы действовать в таком обществе, необходимо их знакомить с теми принципами, на которых это общество основано. Для этого необходимо привносить в систему церковного образования то лучшее, что накоплено в опыте государственной высшей школы. Но при необходимом сближении духовного образования со светским важно сохранить те ценности, которые накоплены в духовном образовании; не случайно даже президент России на встрече с епископалом нашей Церкви особо подчеркнул важность духовного образования. Процесс этот сложный, и невозможно в одночасье решить все возникающие проблемы, но постепенно, я уверен, мы придем к тому высокому стандарту духовного образования, который должен быть в Русской Православной Церкви.

— **Вани пожелания читателям ТД — студентам России?**

— Прежде всего я хочу поздравить студентов России — читателей Вашей газеты — с тем важнейшим юбилеем, который все мы будем отмечать в этом году, — 250-летие Московского университета, а вместе с ним меньшим, но также важным событием — 10-летием возобновления церковной жизни в стенах храма при Московском университете. Пусть благославление Божие молитвами святой мученицы Татианы, покровительницы всего российского студенчества, да пребывает над всеми, кто стремится получить высшее образование на благо нашего Отечества. ☉



Освящение храма Великим чином. 2004 г.

10 ЛЕТ ХРАМУ



Фото А. Власова

Фильм! Фильм! Фильм!

Юлиана Годик, журфак МГУ

Свидетельство на VHS

Идея снять фильм о своем приходе кажется немного претензиозной, если только это не фильм о Татьянинском храме в преддверии 250-летнего юбилея Университета. 10 лет со дня возобновления богослужений в храме стали годами возрождения из небытия. Недавно были проданы последние экземпляры первого видеофильма о домово́й церкви МГУ, где запечатлено, как все начиналось. В кадре — Москва 1995 года, молящиеся во дворе журфака, лица активных борцов за свободу творчества, следы их буйной фантазии на стенах «знаменитого» театра МГУ и первое богослужение в «отво́санном» храме. Эта пленка, теперь уже раритетная, стала документальным свидетельством отстранения Церкви права избивать святыню от поругания. Слава Богу, двери домового храма Университета были вновь открыты, и многие верующие, в том числе студенты, преподаватели МГУ обрели возможность молиться здесь.

Новый фильм должен рассказать о жизни Церкви Христовой в контексте нового времени. Идея, по словам Татьяны Олеговны Йенсен, написавшей сценарий для этого кинопроекта, заключается в том, чтобы посмотреть на Православие глазами огашенного — человека, готовящегося к Святому Крещению, которому все представляется в равной степени непонятным и интересным. Фильм должен стать в некотором роде «ри-алити-шоу», чтобы помочь зрителю, человеку нецерковному, прожить один день в храме, увидеть православную общину изнутри.

Улыбнитесь: вас снимают!

Съемочная группа, снаряженная для воплощения замысла, во главе с режиссером

поселилась в храме на 2 дня. Беспрепятно устанавливали свет, тянули провода, то закрывали, то наоборот, просили открывать и открывали двери, ходить по коридорам и лестницам, музичировали, зажигали свечи, время от времени сообщая то одному, то другому прихожанину: «Готовьтесь, следующий эпизод с вами, давайте отпечетлируем, что вы будете говорить».

Не остался без внимания кинематографистов и родной журфак. По его знаменитой лестнице прохаживался преподаватель по «миржуру», по совместительству алтарник нашего храма. Мы, студенты, «изображали себя» в буфете, делались впечатлениями о последней миссионерской поездке, рассказывали об экзотическом укладе жизни старообрядцев.

По окончании съемок сидели в редакции ТД и потчевали чаем немного уставшего режиссера Светлану Музыченко¹, размышляя о жизни будущего кинематографического олуха:

— Светлана, речь вроде бы шла о документальном кино, а Вы только и делали, что ставили «картинки из жизни», создавали «как бы» реальность, играли в «как бы» жизнь. Не боитесь показать то, чего на самом деле нет, заблудиться в художественном пространстве...

— Была идея — снять живое кино, передать атмосферу жизни в храме. А снимать его можно по-разному, да, мы делаем постановочные кусочки, но любое кино сначала рождается в голове, ты его так или иначе ставишь, не бывает так, чтобы включить камеру и уйти. Мы нигде не погрешили против истины, жизнь в этом храме действительно такая, какая есть: здесь молится, вы-

пускают газету, учат пению, ездят в миссионерские поездки, отцы принимают, крестят. Нет ничего противостественного в том, что мы моделируем то, что есть, сдвигая во времени, и уж мыслим мы точно никому не вкладываем в голову. Постановка — это Саша-огашенный, который ходит и задает вопросы, но это художественный прием. Драматургия, эскиз.

— Получается, «огашенный» вовсе и не важен как герой?

— Да нет, он важен. Важен его искренний, честный рассказ о том, как он пришел в храм. Да, пусть реальный Саша — крещеный верующий человек, но только через работу над этим фильмом он обрел дорогу в храм.

— Как выбирала человека на роль Саши?

— Сашу «реального» выбирала по степени непосредственности, он мой студент, учится на 2 курсе режиссерского отделения. Он человек провинциальный, родом из Кубани, в Чечне воевал солдатом, жизнь знает не понаслышке, но нет в нем усталости, он ищет, искренно ищет...

— А Вы ищете?

— Конечно... Знаете, когда во мне умирает режиссер, мне так скучно жить. Мне ничего не приходит в голову, равнодушие к жизни. Мне нравится другое состояние. Тогда я — это я. Я молюсь, чтобы Господь дал вдохновение, я отношусь к этому как к испытанию, которое дано потому. Надо бороться, чтоб не «оскотиниться», не обзаводиться. Спокойно пройти через это.

— А что Вам дала работа над фильмом?

— Главное, что мне эта работа дала вот сюда (показывает на сердце), мне так хорошо было здесь. Когда все начиналось, смыслы первой раз сорвались, через кучу проблем прорывалась, ехала сюда, думая: зачем я в это ввязалась? Мне сейчас за эти миссы стыдно. Сейчас жалко, что времени для съемок было мало.

Нас прервала телефонный звонок. Это были дети Светланы, она позвала их посмотреть университетский храм. Начиналась традиционная воскресная вечерня.

С Сашей реальным мы увиделись на Рождественской службе, просили остаться на праздничную трапезу, поговорить, но он спешит монтажную студию предоставил на несколько дней, предстояло в кратчайшие сроки обработать отснятый материал, чтобы фильм в юбилейный Татьянин день увидели телезрители.

¹ Светлана Музыченко, режиссер, окончила ВГИК в 2000 году. Экспериментирует с разными способами повествования в документалистике. Ее работа «Красота, доброты, любовь» 1999 г. отмечена многими наградами. Последней проект с ее участием — 10-серийный документальный фильм «Земное и небесное», транслировавшийся на канале РТР в 2004 году. ●

Внимание, вОпрос!

Елена Мартынова, журфак МГУ

Домовый храм св. мц. Татьяны при МГУ расположен в центре Москвы, около факультетов журналистики, психологии и ИСАА. До станции метро «Университет» не так близко. Мы решили выяснить, знают ли студенты о своем домовом храме, и для этого обратились к студентам факультетов, «неравноудаленных» от храма. «Объектами исследования» оказались ближайшие соседи — журфаковцы, студенты ИСАА, которые учатся через дорогу, студенты из I гуманитарного корпуса, что рядом с главным зданием Университета, и стойкие люди с факультета иностранных языков, чье здание расположено еще дальше.

Вы слышали, что у МГУ есть домовый храм — церковь святой мученицы Татьяны?

	Да	Нет	Всего
1-ый гуманитарный корпус	31	11	42
Факультет иностранных языков	12	8	20
Факультет журналистики	21	4	25
ИСАА	11	14	25
Всего	75	37	112

Если не слышали — вопросов больше нет, вам спасибо за внимание, дорогой студент, до свидания. Больше, когда в ответ холодно пожимают плечами или удивленно вскидывают брови, будто говоря: «Домовый храм МГУ? Это вы о чем?». Но, о радость! — таких респондентов оказалось меньшинство. Остальных мы расспрашивали дальше.

Довелось ли Вам хоть раз побывать в этом храме?

	Да	Нет	Всего
1-ый гуманитарный корпус	7	24	31
Факультет иностранных языков	3	9	12
Факультет журналистики	6	15	21
ИСАА	0	11	11
Всего	16	59	75

Результат ИСАА особенно впечатляет — выходит, как по словосиче: «Слышала знаю, да не знаю, где он...» А кто-то из будущих журналистов честно признался: «Я не знаю, где вход в этот храм, куда мне идти?» «По-научному» такого человека следует направ-

вить в левое крыло здания родного журфака, но, как показывает практика, лучше объяснить популярно: «Как выйдешь, дружок, за ворота, поверни налево, и заверни за угол». Однако незнание — не единственная причина «не-знакомства» с домовым храмом.

Почему Вы там не были?

	Как-то не случилось зайти	Неверующий	Прихожанин другого храма
1-ый гуманитарный корпус	19	3	2
Факультет иностранных языков	9	-	-
Факультет журналистики	10	3	2
ИСАА	8	2	1
Всего	46	8	5

— допытывались наши корреспонденты. «Да как-то не случилось зайти...» — задумчиво проглотил 19 человек в I-ом гуманитарном корпусе, на журфаке таких было десять и восемь в ИСАА. Многие из опрошенных принадлежавших данной группе, придерживаются нескольких туманных теорий, суть которых сводится к формуле: «Я верю в Бога (чей образ, по правде говоря, весьма смутен и размыт), но не считаю, что из-за этого нужно ходить в церковь». 1-2 человека в каждой «точке» МГУ «подписались» под

ответом «ехожу в другой храм». Что интересно — на удаленность храма от главного здания никто не жаловался. По 2-3 человека в каждой из четырех групп опрошенных сказали, что они неверующие.



Рис. Татьяна Русситы

250 ЛЕТ УНИВЕРСИТЕТУ



Все выше, и выше, и выше — по «траектории специалиста»

С ректором МГУ академиком В. А. Садовниковым беседовала главный редактор ТД Любовь Макарова

— Принятие правительством РФ 9 декабря плана министерства образования по реформированию российской образовательной системы фактически подтвердило вступление России в Болонское соглашение! Сможет ли МГУ сохранить свое независимое положение в процессе реформы и не изменить образовательные стандарты?

— 9 декабря на заседании правительства рассматривался вопрос об основных направлениях развития образования в России, но слова «Болонское соглашение» при этом не звучали. Я выступила тогда на обсуждении доклада министра, и по некоторым вопросам вступила в дискуссии в частности, по вопросу о сохранении той традиционной системы подготовки специалиста, что так хорошо себя зарекомендовала в России. Мои аргументы были поняты, и в поправках к закону «траектория специалиста» будет сохранена для ряда направлений. Правда, эти направления будут утверждаться правительством, но это тот вопрос, который будет еще обсуждаться. По крайней мере, для Московского университета основным направлением останется подготовка специалиста. И эта позиция была поддержана ректорами ин-

женерных вузов. Также я поднимала в правительстве вопрос об университетской науке: очень важно, чтобы фундаментальная наука сохранялась как основа преподавания, чтобы были не только гранты, но и ее постоянное финансирование. Образование должно быть широким и фундаментальным.

— Вступим ли мы неизбежно в Болонское соглашение?

— Конечно, соглашение подписано на государственном уровне, но я бы слово «вступил» не употребляла. Идея взаимознаваемых дипломов — это действительно хорошая идея, но пути ее реализации могут быть разными. Дипломы могут признаваться на основе определенных параметров — титки, как количество курсов, их состав, количество часов, форма экзамена после каждого курса. Но для этого не обязательно ломать всю систему. Наша задача — интегрироваться в рамках общей идеи признаваемости дипломов и объединения усилий с целью обогащения собственной системы образования.

— Как, с Вашей точки зрения, можно решить проблему признания дипломов духовных учебных заведений? Каковы формы взаимодействия светского и духовного образования?

— У этой проблемы есть два уровня. Первый — уровень православных университетов типа Свято-Тихоновского. Насколько я знаю, их образовательные стандарты одобрены министерством, дипломы признаются, диссертации защищаются. Проблема лишь в научном направлении защиты. Другой уровень — уровень духовных учебных заведений в собственном смысле слова: семинарий, духовных академий. Здесь вопрос в том, что такое признание. Это соответствие стандарта обучения государственным требованиям. Если он утвержден министерством, то можно говорить и о признании дипломов. Необходимо детальное обсуждение, так как у духовных и светских учебных заведений разные задачи. Может быть, эти вузы и не должны интегрироваться.

— Считаете ли Вы возможным создание теологического факультета в МГУ?

— Наличие теологического факультета есть признак любого западного университета. Этой традиции уже сотни лет. Было бы крайне странно считать, что подобного быть не должно. Насколько я знаю, теологические факультеты были созданы в ряде российских университетов, в других теология изучается как предмет. В Московском университете никогда не было теологического факультета, и, видимо, на данный момент нет необходимости его создавать, поскольку религия, как важнейший элемент культуры изучается на соответствующих факультетах: на историческом — история религий, в том числе и Православия; на философском — религиоведение и т. д. Есть слова Ломоносова о том, что виду широкого подхода к изучению всех наук, в Московском университете теологический факультет не нужен. Человек, окончивший Университет и не читавший Библию, не знающий историю нашей отечественной религии, не может называться образованным. Но я считаю, что такой предмет, как история религий, история Православия, так же как и других религий, должны изучаться в любом университете, и, наверное, в школе.

— Всех нас волнует проблема единого экзамена. Как известно, Ученый совет МГУ считает, что ЕГЭ не может являться единственной формой приема в Университет, однако министерство образования усиленно продвигает данную идею, и все движется к тому, что этот эксперимент станет реальностью для многих вузов. На Ваш взгляд, в чьих интересах повсеместное внедрение ЕГЭ?

— Одним из сильных аргументов сторонников ЕГЭ состоит в том, что выпускникам школ из отдаленных регионов поступить в ведущие университеты трудно, практически невозможно. Особенно остро это вопрос стоял в начале 90-х, когда даже приехать для поступления в ведущие московские и Санкт-петербургские университеты стало невозможным. Я сам вела тогда прием в МГУ, поэтому знаю, что средняя семья

с Дальнего Востока или Якутии в принципе не могла купить билет до Москвы — для этого нужно было продать корову, дом. Но это была проблема не Университета, но страны и тогдашнего руководства.

Поскольку ребята хотели учиться, то поступали в ближайшие университеты. Бизнесмены воспользовались ситуацией, и появилась масса негосударственных, часто недобросовестно зарегистрированных учебных заведений. Что было делать ребятам, когда звали учиться без экзаменов, обещая «такой же диплом»? Люди стали ориентироваться на региональное образование, и это плохо. Страна должна заботиться о том, чтобы каждый имел возможность попытаться поступить в любой из ведущих вузов. Сейчас время другое, и приехать легче, но вяжет привычка, общественное мнение. К примеру, подруга говорит подруге: «Зачем тебе ехать куда-то поступать? Вот я учусь у нас, и все нормально». Это стандартная психология.

В этом смысле ЕГ якобы является гарантом доступности образования. Напишешь экзамен в школе — и можешь быть зачислен в любой университет страны! Конечно, это красиво! Но давайте спустимся на землю. В реальности возникает масса проблем. Одна из них — ограниченное количество мест в ведущих вузах. А увидеть искру Божию в человеке ЕГ не позволит. Можно хорошо ответить на простые вопросы, но таланта не иметь. Создается угроза потери университетами талантливейшей молодежи. Это серьезно.

Еще одна проблема заключается в том, что ЕГ меняет школьную систему образования. В процессе обучения школьник учиться отвечать «да/нет» на ограниченное количество вопросов, но нельзя в одну страничку теста вместить список вопросов по всем наукам, подразумевающих односложные ответы. Собеседование всегда шире. Поэтому мы и выступаем с возражениями, утверждая, что ЕГ не может быть единственной формой отбора талантливых людей: зачем их искать, если нам в конце августа привлекут чехомдан с экзаменами, кто-то посчитает баллы, составят список фамилий и передаст его в университет для зачисления? Разве это приемлемо МГУ, если мехмат начинает подготовку детей с 3-го класса средней школы? Поэтому мы предлагаем творческие конкурсы, мощную систему олимпиад в стране, рейтинг школьникам с определенного класса — т.е. предлагаем создать общегосударственную систему поиска талантливых детей. Я никогда не возражал против ЕГ как одной из форм контроля подготовки школьников, подобной контрольной работе, которую дает учитель, чтобы вывить знания по конкретному разделу. Мы можем учитывать результаты ЕГ в определенных случаях, но уверены, что главная форма для нас — это творческий конкурс, олимпиада, экзамен.

— Церковь давно борется за возможность введения в школах «Основ право-



Первый Татьянин день. 1995 год

славной культуре». Однако решением главы департамента образования Москвы Любова Кезиной такой предмет, даже факультативно, преподавать не будет. Вместо него вводится курс «Основы мировых религий» как более приемлемый в многоконфессиональной столице. Что Вы думаете по поводу сложившейся ситуации?

— Это сложный и деликатный вопрос. Думаю, что для нашей страны, где подавляющее количество верующих является православными, место Православия в подобном курсе должно быть соответствующим. Особенно важно, чтобы учебники для этого курса были написаны выдающимися учеными, честными и порядочными, с незапятнанной репутацией, и чтобы они обязательно прошли экспертизу в наших основных конфессиях. Что касается преподавателей, то их нужно готовить, потому что сейчас их нет. Я призываю к спокойному, честному и научному подходу. Я очень боюсь, что в школе данный предмет будут преподавать непрофессионалы.

— Как известно, вместе с юбилеем Университета будет отмечаться 10 лет возобновления богослужений в домовом храме св. мц. Татьяны. Сказалось ли появление храма на жизни Университета? Насколько оно было значимо лично для Вас?

— Я считаю, что возрождение храма было большим событием. Когда я принимала это решение, мною дикогадо то соображение, что по традиции в Московском университе-

те всегда была домовая церковь. Первые два-три года робко, а потом все увереннее и увереннее храм участвует в духовной жизни Университета. Сейчас община очень интересная, в храме венчается много студентов. И храм, как ему и подобает, стал очень красивым. На душе хорошо даже тем, кто особо верующим не является. В этом, помимо, и есть значение Церкви — приютить каждого: тех кто верит, и тех, кто, может быть, только еще хочет верить, и тех, кто просто зашел ознакомиться с памятником архитектуры. Мы делаем одно и то же дело воспитания: Университет светскими способами, а Церковь — духовными, верой.

— Какие наиболее яркие моменты запомнились Вам в связи с Татьянинским храмом?

— Первый — когда я зашла в храм почти сразу после освобождения. Уже было убрано. Я очень хорошо знала, какая там была неприличная обстановка до того, но когда я первый раз зашла после воссоздания Церкви и увидела внутреннее убранство, я была поражен. А второй момент — это освещение храма Великим чином.

Я подраивало всех, кто работает в Татьянинской церкви. Знаменательно, что престольный праздник домового храма совпадает с днем рождения Университета. У нас есть дело духовного воспитания, и мы делаем его вместе.

¹ Подробно о Болонском соглашении читайте в этом номере статью Елены Жосу «Болонский напалм» на с.20 ●

СОБЫТИЕ



Ректор МГУ академик В.А. Садовничий и ректор МДА архиепископ Верецкий Евгений

его личности, когда индивидуальный разум остается один на один с собой». С точки зрения проф. Громова, в университете должно быть постоянное присутствие «духовного, воспитующего фактора в лице кафедры, а еще лучше факультета».

Прот. Максим Козлов, кандидат богословия, настоятель храма св. мц. Татианы, сделавший доклад на тему «Преподавание церковно-богословских дисциплин в Московском университете до 1917 г.» считает, что, вспоминая опыт преподавания богословских дисциплин в Московском Императорском университете, необходимо развивать соответствующие специализации на имеющихся факультетах, а не создавать отдельные теологические факультеты. (Создание кафедры церковной истории, общей и русской, на историческом факультете, кафедры церковного права — на юридическом и т.д.). Так же прот. Максим Козлов заметил, что ту же роль, которую в XIX в. выполняла кафедра богословия, в нынешнее время могли бы исполнить те публичные чтения, к форме которых тяготели преподаватели богословия XIX—нач. XX в.

Вспоминая опыт таких преподавателей, как прот. Петр Терновский и прот. Николай Сергиевский, о Максим напомнил, что они всегда были решительно против инструментального использования религии в стенах Московского университета. В докладе о. Максим привел слова прот. Николая Сергиевского, актуальные и сегодня: «Если в настоящее время в университетах расширить препода-

Наши Университеты

Анастасия Ванякина, аспирант филфака МГУ
фото автора

«Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняий...»

Так 6 декабря началась научная конференция Духовной академии и Московского государственного университета «МГУ и МДА: 250 лет совместного служения России».

Конференция прошла накануне значительных юбилеев высшей светской и духовной школ России — в 2005 году Московскому государственному университету исполняется 250 лет, а Московской Духовной академии — 320.

Святейший патриарх направил приветствие участникам и гостям конференции, в котором говорил и о Московском университете — эталоне российского образования, и о Московской духовной академии — основе для формирования российской богословской науки. Патриарх напомнил, что, с православной точки зрения, «любое истинное образование — и духовное, и в не меньшей степени и светское — есть сообразование своей личности с образом Божиим и достижением богоуподобления, составляющего сущность предвечного замысла Творца в отношении человека». Поэтому нет ничего случайного в том, что конференция проходила как в стенах Московской духовной академии, так и в стенах Московского государственного университета.

На конференции обсуждалось несколько важных и актуальных тем; одной из них — проблеме богословского образования

в светских вузах — было посвящено сразу несколько докладов.

Проректор Академии Славянской культуры проф. М.Н. Громов в своем докладе «Светское и сакральное в высшем образовании России XVIII в.» отметил, что при образовании Московского университета была за-



проф. М.Н. Громов

была такая «византийская и западная традиция», как присутствие в нем богословского факультета. «Ведь», — сказал он, — в университете человек не только получает специализацию, также здесь происходит становление



прот. Максим Козлов

вание богословских предметов с тем видом, что через это будет лучше достигаться цели общественного порядка, то это будет значить надого, если не навсегда, подорвать значение богослужебной науки в мнении молодого учащегося поколения и в мнении всего образованного общества».

На сходную тему выступил и диакон Андрей Кураев (доклад «Культура теологической мысли как часть образовательного университета»).

Другой блок докладов затрагивал проблемы взаимоотношения религии и науки.

СОБЫТИЕ

Проф. МДА А. И. Осипов в своем докладе «Наука, философия, религия» говорил об одной из самых серьезных ошибок, совершенных за последние столетия в университетском мире — противопоставление научных и философских мировоззрений религиозному мировоззрению: вражда между ними привела фактически к их автономному существованию. Проф. Осипов заметил, что изоляция науки и философии как высоко специализированных социальных институтов от Православия неизбежно ведет к разрушению целостного и многомерного видения мира в целом, что влечет за собой, как показывает история, самые печальные последствия.

Проф. Г. А. Любимов, сделавший доклад о «Роли модели в фундаментальной науке», затронул проблему влияния духовных и моральных факторов на деятельность ученого. Обосновывая их важность, Г. Любимов отметил, что на сегодняшний день они часто помогают тем или иным исследователям понять, какие научные изыскания полезны, а какие аморальны



проф. А.И. Осипов

(например, исследования, ведущие к экологическим катастрофам или к непредсказуемым результатам, как, скажем, клонирование). По его мнению, внедрение в ученые сообщества высоких моральных принципов, характерных для Православия, — важная задача как образовательных организаций, так и нашей церкви.

Профессор А. С. Соболев, выступивший на тему «Духовные корни естествознания», рассмотрел вопрос о месте христианства в современном естествознании. Сейчас, как и ранее, в стране наблюдается конфликт научных и традиционных ценностей, в котором проявляется недооценка властью и обществом фундаментальных исследований. По мнению автора, различные общественные структуры должны, объединив усилия, вести просветительскую работу, чтобы сакрализовать духовную базу фундаментальных естественных наук. Проф. Соболев предложил создать рабочую группу для решения таких вопросов.¹



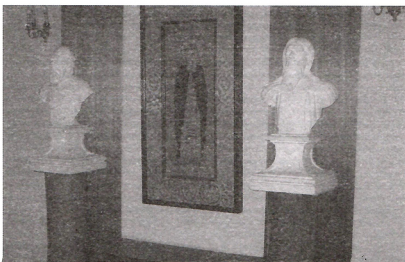
проф. Г.А. Любимов и проф. А.С. Соболев

Были и доклады на исторические темы, освещающие этапы создания Московского государственного университета и Московской духовной академии. О путях развития МГУ и МДА, и о профессорах, их объединявших, подробно рассказал не только ректор МГУ В. А. Садовничий, но и кандидат богословия прот. Валентин Асмус, канд. ист. наук. А. Ю. Андреев. Был сделан сообщения, посвященные отдельным персоналиям, таким как М. В. Домоносов, о. Павел Флоренский, сщмч. Иларион Троицкий

Обидно только, что студентов Университета, в отличие от семинаристов, на конференции присутствовало мало как в первый,

так и во второй день заседаний. И все же «отрадно видеть, — как сказал его Святейшество, — что накануне таких значительных юбилеев высшей светской и духовной школы проходит совместная конференция. <...> В этом несомненное значение времени, свидетельствующее о плодотворно развивающемся сотрудничестве светского и духовного образования, призванном к изучению и дальнейшему обогащению нашего общего научного, исторического, духовного и культурного наследия».

¹ В одном из следующих номеров ТД мы намереваемся полностью опубликовать этот интересный доклад (Ред.). ©



Икона при. Сергия Радонежского и скульптурные изображения братьев Лихудов — основателей Славяно-греко-латинской академии (МДА)

10 ЛЕТ ТД

Православный «андеграунд»: сокровище татьянинского подвала

Беседовали Любовь Макарова, главный редактор ТД, и Наталья Довгаль, экономфак МГУ

Январь 2005-го юбилейный не только для Университета и его домового храма. В этом месяце 10 лет назад родилась первая студенческая православная газета — «Татьянин день», газета православных студентов, преподавателей, выпускников Московского университета. Решив отметить это знаменательное событие, мы наведались к первому редактору ТД — о. Симеону (в миру — Владиславу Томачинскому), ныне насельнику Сретенского монастыря.



Фото: предоставлено о. Симеоном

Во время паломнической поездки в Италию, 2003 г. (о. Симеон крайний справа)

— о. Симеон, расскажите, как возникла идея создания газеты «Татьянин день»?

— Мы! полагали, что православная молодежь, православное студенчество должны иметь свое издание. Церковные издания, которые существовали в то время, не устраивали нас ни по своему языку, ни по своей направленности. А светскую прессу Церковь вообще не интересовала или, если и интересовала, то лишь сквозь призму каких-то скандалов. Понималось, что огромный пласт жизни человека, его духовная жизнь, просто отсеклась.

— Не было ли у Вас ощущения, что православных в Университете очень мало?

— Нет, их было очень много, просто никто это особо не афишировала. Скажем, на том же филфаке мы постепенно узнавали, что среди преподавателей огромное количество не просто верующих, а глубоко церковных людей. Это не сразу становилось понятным, а лишь со временем. Например, когда в разных корпусах Университета мы собирали подписи за открытие Татьянинской церкви, то подавляющее число людей подписывалось в пользу открытия храма, вопреки миссионерской пропаганде. Поэтому по крайней мере сочувствующих в МГУ очень много.

— «Татьянин день» задумывалась как газета для верующих?

— В первую очередь! мы хотели сделать ее

миссионерской, но и верующим там было что почитать.

— И Вы верили, верите сейчас, что человек, прочитав газету, может прийти к вере?

— Конечно, наивно было бы думать, что человек прочтает один номер «Татьянинского дня» и сразу побежит в храм. Это может способствовать духовному поиску, как и другое чтение. То, что мы изучали в Университете, также во многом способствовало пробуждению или развитию нашей веры. Все действует в комплексе.

Важно было засвидетельствовать сам факт того, что в Московском университете есть православное студенчество и у него свой взгляд на мир, который отличается от общепринятого. Мы даже иногда называли себя «андеграундом» (тем более что редакция располагалась в подвале), потому что наш взгляд во многом был оппозиционным тому мейнстриму, который господствовала и господствует в мире. Ведь проще жить без Бога, проще поступать по своим желаниям, страстям. Однако такой взгляд на мир не может претендовать на универсальность. Мы хотели представить другую точку зрения. И принципиальным моментом было обращение к людям нецерковным или малоцерковным. Тем, кто ходит в церковь, может, и вовсе не стоит читать газеты. У них есть серьезные книги, а газета — это все-таки сниженный жанр.

— Ваша позиция была такой же, как у журнала «Фома» сейчас, — журнал для людей, которые как-то верят, но еще ничего не знают?

— Во многом да. Мы даже считали своим девизом слова апостола Павла о том, что «для всех я сделался всем»², хотя, конечно, воплотить это на практике далеко не всегда получалось.

— Своими читателями вы видели именно студентов?

— В первую очередь — да. Хотя в реальности газету читали люди разных возрастов. Здесь вот какой парадокс. Когда делаешь газету интересной (по крайней мере, нам так казалось) именно для студентов, она почему-то оказывается интересной и для профессоров, и для священников, хотя это не для них пишется. А почему? Потому что они вспоминают себя в студенческие годы: они все это пережили и при чтении как бы возвращаются в свою молодость.

— Чем вы руководствовались при отборе материалов?

— Этого в двух словах не расскажешь. Но в любом случае университетская газета должна быть умной. Она не должна быть заумной, но умной она точно должна быть. Занимать планку не стоит. Есть такое высказывание у преп. Сиауана Афонского, что в последние времена к Богу будут приходить большей частью люди образованные. Мир в целом настолько удалился от Бога, что людям, которые мало задумываются о каких-то серьезных вопросах, очень трудно преодолеть этот внешний покров. Раньше, скажем, на Руси, весь быт простых людей был связан с Богом. А сейчас совсем наоборот. И поэтому именно людям, которые много читают, много размышляют о своей жизни, — интелектуалци, — проще прийти к Богу в нынешних условиях. Посмотрите, сколько и ученых, и выдающихся людей было верующими и как весь мир, если приглядеться, свидетелем о Туре. Важно это раскрыть. Плюс имеет какие-то преграды, предрассудки и те, что накопились за советское время, и те, что существовали всегда, как, к примеру, несовместимость науки с верой.

— А чем тогда «Татьянин день» отличается от «Фомы»?

— Прежде всего, у нас много общего с журналом «Фома», даже если историю посмотреть — оба журнала родились почти одновременно. Более того, мы с Володей Легибодой обсуждали в свое время идею создания журнала, который позже стал «Фомой» и в котором я тоже, но идея, должен был участвовать. Но потом мы взяли свой проект. Однако наше сотрудничество с журналом «Фома» продолжилось мы вместе издали по городам, университетам, выступили. Но это были два совершенно разных издания. И сейчас, я уверен, они таковыми и останутся.

Во-первых, «Татьянин день» — журнал-газета университетская. Это накладывает очень сильный отпечаток, и мне кажется, что это

очень большая ценность. Все-таки Московский университет — главная alma mater для всей России, и так или иначе с ней себя ассоциирует большое количество культурных людей, даже если они сами непосредственно в ее стенах не учились. А во-вторых, на мой взгляд, «Фома» — журнал очень личный, исповедальный. Нам это никогда не казалось нужным для «Татьянинного дня»...

Впрочем, вы спрашиваете, как будто у нас была какая-то готовая идея и мы не ошибались и шли по проторенной дорожке. Ничего подобного! Мы делали массу ошибок. Если сейчас посмотреть, то у нас было просто ужасающие вещи.

— Поменялся ли со временем Ванге представление о том, как быть редактором и как делать газету?

— Мы с Сашей Егорцевым¹ всегда были уверены, что все должно быть сделано очень профессионально. И мы стремились к максимальному профессионализму во всем: от макета и верстки до написания статей, редактирования и т. д., чтобы это было на уровне, чтобы не было какого-то капсюлика или спенгазета. И здесь надо выразить огромную благодарность людям, которые нам помогали своими советами и непосредственным участием, — это и наши прихожане, искушенные в издательском деле, и преподаватели журфака, и многие другие, всех не перечисляю.

А, с другой стороны, нужно было постоянно искать язык общения с молодежью. Нельзя было впадать в амикозность, паннибратство: в этом есть определенная фальшь и ложь. И в то же время мы боялись впасть в какое-то занудство и морализаторство. Правда, одно дело — стремление, другое — то, что реально получалось. Но мне всегда хотелось сделать газету еще более студенческой, еще более светской.

— Нам нравились ваши зарисовки, юмор, правда, быстро закончилась студенческие буфеты и т. д. А что вы вкладываете в слова «более студенческая»?

— В том числе упомянутые вами «зарисовки». У нас это было в каких-то гуманистических дозах, но, по крайней мере, это обозначало, что здесь не только «высокочеловеческий интеллект», о высоких материях рассуждающие, но и «ничто человеческое нам не чуждо». Какие-то вещи не несут на себе печати греховности, но они, с точки зрения строгих благочестивей нравов, могут показаться легкомысленными. Но легкие жары, мне кажется, должны присутствовать, чтобы люди — если нас читают люди неверующие — не так сильно напрягались. Людям неподготовленным трудно читать духовную литературу. Ее нужно развлекать и развлекать, чтобы они вместе с развлекательным могли принять и твердую пищу. Мне кажется, что развлекать нужно еще более, чем мы это делаем.

Но самое главное, что должно быть, — это не рассуждения, не прилипчивания. «Челове-



Во время плаоминической поездки в Италию, 2003 г.

ку нужен человек» — помните, у Тарковского? Важно, чтобы была личность, которая раскрывается перед читателем. Скажем, если серьезный профессор вдруг раскрывается как глубоко верующий человек, который при этом очень интересно мыслит, который прожил очень интересную жизнь, и он обо всем этом рассказывает, — это самое захватывающее. Такими гостями были у нас Андрей Чеславович Козаревский, Никита Ильич Телестой, Виктор Петрович Мазурник и другие...

— Были в процессе работы какие-то разочарования..

— Когда мы начинали газету, я думал, что сейчас мы запустим дело, а потом найдутся люди, которые действительно умеют все это хорошо делать, которые горят духом, которые возьмут работу в свои руки, а я спокойно буду продолжать заниматься учебой в Университете. Для меня издание газеты было совершенно новым поприщем, и у меня совершенно не было желания продолжать его долгое время. Но я жестоко ошибался. Потом мы все втянулись, и действительно, сколько-то лет проработали. Хотя я постоянно имел в виду, что газета — это не самое главное в моей жизни, и, как только появится человек, который будет в состоянии все это нести на себе, я уйду. Так в дальнейшем и произошло. Что касается зарисовок и разочарований, их действительно было мизаном. И серьезных, и мелких. Особенно связанных с тем, что творческая работа сопряжена со многими ошибками, прописками, заблуждениями, кризисами, находками.

— ...а приятные сюрпризы?

— Приятные сюрпризы были постоянно, потому что практически каждое интервью открывало для тебя Человека. Приходилось читать много материалов, которые расширяли кругозор и просто заставляли по-новому смотреть на мир, на людей. Бывали и настоящие подарки от Бога. Например, у нас публиковалось несколько статей о Туринской Плащанице, и в одной из них автор доказывала, что Плащаница и Нерукотворный Образ Спасителя (которому установлен праздник 29 августа по новому стилю) — это один и тот же

предмет. Я сильно переживал по этому поводу, потому что история этого праздника и сама церковная служба дают совершенно иную картину. И вдруг нам приходит письмо из Париза от двоюродного иконоведа Леониды Успенского с его статьей о Нерукотворном Образе Спасителя. Статей, никогда не публиковавшихся! В этом замечательном исследовании Успенский рассеивает все сомнения по поводу подлинности Нерукотворного Образа и истории его происхождения. Естественно, мы сразу же эту статью опубликовали.

— У людей неверующих всегда возникает вопрос, почему человек ушел в монастырь. Некоторые считают, что у монашествующих в жизни ничего не сложилось, другие думают, что так люди уходят от трудностей. Многие воспринимают монастырь исключительно как институт, несущий социальную нагрузку. Детским домом, допустим, занимается. Как бы вы прокомментировали такие суждения?

— Хотелось бы вспомнить слова нашего всероссийского старца, архимандрита Иоанна (Крестьянина), о том, что в миру живут сильные христиане, а в монастыре — слабые. Вот и все. А чем монастыри должны заниматься, чем не должны, — это не мне судить, я не дерзаю об этом говорить. У нашего монастыря, например, есть и детский дом, и колхоз, и семинария, и издательство, и свой сайт, и что-то только нет. Но монастырь — это прежде всего духовная больница. Сюда приходят люди, которые осознают себя больными.

¹ Ядро первой редакции ТД состояло из гл. редактора В. Томячинского (филифак), зам. редактора А. Егорцева (филол. ф-т), Е. Лебедевой (истфак), Е. Хомягорова, Т. Москвиной, художников М. Турской, потом Д. Трофимова, Д. Зельова (истфак); В. Томячинский был редактором по №28 (январь 1999 г.).

² 1 Кор. 9, 22.

³ Тогда — зам. редактора, ныне — корреспондентом телепрограммы «Русский взгляд». ●

ДРЕВО РАЗУМА



Тайны св. Мартины

Пио Франки Де Кавальери
перевод с итал. Любови Макаровой

«Александр Север приказал привести в Палатинский дворец диакониссу Мартину, младшую дочь римского вельможи, трижды избравшегося консулом. Император принуждал ее принести жертву в храме Аполлона, но <...> святая сокрушила каменного идола...» Здесь любой прихожанин Татьянинского храма остановится в недоумении: «Как же так, ведь это житие мц. Татьяны?» Практически слово в слово. Так в чем же тайна св. Мартини?

Личность св. Мартини окутана тайной. Из *Liber pontificalis*¹ мы знаем, что она почиталась на Римском Форуме — еще в *secretarium senatus*² — во времена папства Адриана I (772-795), который преподнес разнообразные дары ее алтарю и базилике³. Но поклонение святой в этом античном здании восходит к более ранним временам — по всей вероятности к VII в. и, возможно, именно ко времени Гонория I (625-638). Очевидно, папа Дома (676-678) поместил изображение этого понтифика в мозаике, которая украшала конху абсиды. Однако странно, что в *Liber pontificalis* среди трудов Гонория не упоминается переделка *secretarium* в христианскую церковь — там, где

говорится, что он перестроил *curia senatus*⁴ в церковь св. Адриана. Мне кажется это странным, потому что *secretarium* был практически соединен с *curia* — от последней его отделил только портик. Так что действительно трудно представить, как можно говорить об освящении второй, не упоминаемой (если оно было совершенно тем же папой) освящения первой. Я также не очень понимаю, почему среди изображений Гонория и Дома оказалось изображение не святой покровительницы (вспомните, например, абсиду базилики на виа Номентана), а Пресвятой Девы. Это должно было бы означать, что Гонорий посвятил храм Деве Марии, если только в осмыслованной и плохо отрестав-

рированной мозаике Росса⁵ не увидел по ошибке изображенную Деву *Marin Filium in sinu gestantis*⁶ там, где на самом деле была св. Мартини.

Почитание св. Мартини в Риме в течение VII в. также, казалось бы, подтверждается Маам римским мартирологом, компиляцией, которую Duboucq хочет возвести ко времени папы Бонифація IV (608-625) или Гонория I, в то время как Rossi относит ее лишь к концу VII в. или началу VIII в. Пожалуй, можно утверждать, что дамыейшие исследования этого лобоптного литературного памятника покажут, что он на сто лет старше и не римского происхождения.

В самых разных текстах вплоть до XVII в. не обнаруживается никаких упоминаний св. Мартини. Действительно, в Бернском кодексе Иеронимова мартирология под 1-ым января записан *Rom(ae)... Martini martyris*⁷, и *Martini* здесь следует, по всей вероятности, исправить на предлагаемую Urbain'ом форму *Martinae*⁸, но в любом случае эта запись — позднейшее добавление. Что касается *Stradanius*, изданных болондистами в *Житиях святых*, его нужно считать сочинением гораздо более поздним и вовсе не принимать в расчет, поскольку трудно представить более ислемый текст.

И это на самом деле так. Тем не менее, я уверен, что, если вышеупомянутые Страдания исследовать основательнее, можно достигнуть более существенных результатов, хотя и не приходится надеяться, что удастся расставить тайну личности святой до конца.

История ее мученичества такова. Александр Север (который, по воле агиографа, из мягкого и религиозного императора, испытывавшего благоговейный трепет перед Христом, превратился в одного из самых жестоких преследователей христиан) приказал привести в Палатинский дворец диакониссу Мартину, младшую дочь римского вельможи, трижды избравшегося консулом. Император принуждал ее принести жертву в храме Аполлона; но, окруженная английской славой, вид которой обратил ко Христу ее палачей, святая сокрушила каменного идола, обликая отвратительного демона, обитавшего в статуе. При этом от сильного поджогом толчка часть здания рухнула и погребла под собой жрецов и тех, кто там был. Приведенная в другой храм (храм Артемиды) она повторила чудо, призвав молочно на статую богини. Когда Мартину подвергли бичеванию и раздиранию железными котлами, из ее ран изливалась не кровь, а молоко; брошенная в огонь, святая вышла невредимой благодаря внезапной грозе; в тюрьме она сияла чудесным светом, и ей прислушивались более сотни ангелов; когда святую привели на арену, к ней стала падать лед, который вместо нее растерзал родственника императора. В конце концов император решился объявить ей смертный приговор, но вскоре, поражен-

ДРЕВО РАЗУМА

ный ужасной болезнью, умер как собака, пожирая собственную плоть, а голос с небес провознес ему вечное осуждение. Тело святой торжественно перенесли для погребения в VI веке города, в аебостворый саркофаг в саду, называемом Чудесным.

Да было сочинено это сказание? Скорее всего, в Риме, так как автор не только точно устанавливает место, где положили тело святой, но явно знает не один языческий памятник города. Помещенный им на Палатине храм Аполлона, в статуе которого, по утверждению автора, со времени первого римского императора обитал демон, — это, без сомнения, храм Аполлона Палатинского, сооружением которого гордился Август (см. надпись на Анкирском монументе: *templumque Apollinis in Palatio fecit*). Другой, упоминаемый в п. 44, *ubi erant duodecim idola*¹, вероятно, можно идентифицировать с *porticus deorum Consentium* (под Капитолием), число *sacrosancta simulacra*² которого увеличила в 367 г. Веттий Претекстат. Я говорю лишь вероятно, так как кроме культа богов Согласия, засвидетельствованного и в других городах империи, по всему греческому востоку был распространен древнейший культ двенадцати богов, с которым он смешивается, что можно также увидеть из составленных там агнографических сказаний. Храм Юпитера, находящийся, по предположению автора, в императорском дворце, так же, как и храм Аполлона, — это, скорее всего, храм Юпитера Пропugnатора.

С одной стороны, все эти топографические подробности выдают знатока Рима, но с другой — в тексте есть места, читая которые, с трудом верится, что их написал римлянин. Так, агнограф говорит о церкви, где была арестована св. Мартина, как о единственном христианском храме в Риме его времени (п. 3): *ecclesia quae est sita Romae*³. Описывает тюрьму как *habens multa habitacula*⁴ (в одном из которых находится до семисот человек), но не обнаруживает ни малейшего понятия об ужасном *carcer inferior* или *Tullianum*⁵, так живо описанном в Мученичестве св. Хрисанфа и Дарии. При описании похорон святой во главе всего клера и народа он ставит епископа (т. е. папу) по имени Реторий. Разве какому-нибудь верующему римлянину, даже во времена самого темного невежества и варварства, могло прийти в голову ввести в действие неизвестного папу?⁶

Итак, казалось бы, следует заключить, что сказание, если и было написано в Риме, то скорее всего не римлянином. К этому же самому выводу можно прийти другим путем и, я полагаю, с большей достоверно-

стью. Текст сказания изобилует любопытными гречизмами: Александр, Сетер назван в п. 10 *antarta* (греч. *ανταρτα*); *Christianonum*⁷; погребальная урна святой (п. 51) — *larnax* (греч. *λαρναξ*); Юпитер не *Iuppiter, Iovi, Iovem*, а просто *Zeus, Dii, Dia* или *Dian* (шл. 42, 44, 57); Диана — *Artemis*. Конечно, эти гречизмы самим по себе недостаточно для того, чтобы говорить о переводе (и тем более о буквальном переводе) с греческого. На самом деле, *antarta* или *intarta* то и дело встречается в *Liber pontificalis*; и, хотя я не могу припомнить, чтобы мне попадались другие примеры с *larnax*, я бы не удивился, встретив его в каком-нибудь ином, даже оригинальном, латинском тексте. Что касается *Zeus*, можно было бы задаться вопросом, по какой, собственно, причине переводчик не стал его переводить. Ясно, что это произошло не по незнанию, так как сумел (а так оно и есть) прямомерно перевести на латинский язык сказание, он не мог не знать, что *Zeus* — это *Iuppiter, a Artemis — Diana*. Но, если мы будем учитывать все факты, то гипотеза о том, что наш текст основан на греческом документе, кажется мне наиболее вероятной. Я говорю «основан», а не просто «является всего лишь переводом» потому, что подобный перевод, вероятно, обнаружил бы себя в большем количестве особенностей: там был бы, например, *rex* (греч. *βασιλευς*) вместо *imperator*⁸, *regalis* вместо *imperialis*⁹ и другие неточности перевода, которых трудно избежать. Тем не менее, кажется, одну из них я обнаружил

вен Московскому кодексу (ГИМ гр. 379) XI в. Из двух редакций более древняя, без сомнения, редакция из Ватиканского и Московского кодексов, так как, во-первых, она меньше отличается от латинского текста *Страданий св. Мартины*, безусловно наиболее древнего и, во-вторых, с первого взгляда видно, что текст Парижского кодекса — переработка первой редакции, даже если он не назван таковым в какой-либо из рукописей.

Первичности *Мученичества св. Татианы* по отношению к *Страданиям св. Мартины*, кажется, противоречит меньшая древность известных греческих манускриптов по сравнению с теми латинскими, которые содержат его перевод, отличный и независимый от текста *Страданий св. Мартины*. Но этот довод теряет значимость перед аиозом тех весомых внутренних аргументов, которые, если только я не заблуждаюсь, подтверждают зависимость сказания о св. Мартине от сказания о св. Татiane.

(Продолжение следует)

¹ Книга, в которой описывалась жизнь римских пап, начиная с апостола Петра (прим. ред.).

² Общественное здание античного времени, позже переделанное в христианский храм (прим. ред.).

³ Подробнейшие сноски автора на литературу по вопросу читатель сможет найти в электронной версии газеты на сайте храма www.st-tatiana.ru (прим. ред.).

⁴ здание Курии (Сената) на Форуме (лат.).

⁵ Angelo Rossa мы обязаны описанием этой

мозаики, не сохранившейся до нашего времени (прим. ред.).

⁶ Деркающей Сына на руках (лат.).

⁷ В Риме ... Мартина мученика (лат.).

⁸ Мартинус (лат.).

⁹ и храм Аполлона на Палатине я воздвиг (лат.).

¹⁰ где были двенадцать идолов (лат.).

¹¹ портик Богов Согласия ... свпленные статуи (лат.). Портик богов Согласия — портик

¹² наиболее понятых римлянами языческих богов (лат.).

¹³ храм, расположенный в Риме (лат.).

¹⁴ имеющую много помещений (лат.).

¹⁵ нижняя или Туллиева тюрьма (лат.).

¹⁶ Я даже не знаю, можно ли говорить об искажении — естественно, предшествующем возникновению сказания — имени Григорий. Шаг от ГРНГОРИУС до РНТОРИУС не кажется сам по себе невозможным (лат.).

¹⁷ тот, кто восстает против христиан (лат.).

¹⁸ царь вв. император (лат.).

¹⁹ бирский вв. императорский (лат.).

²⁰ чудесь сострадающеймией моей власти (лат.).

²¹ сострадающая вв. консалаждающаяся (греч.) ●

Разве какому-нибудь верующему римлянину, даже во времена самого темного невежества и варварства, могло прийти в голову ввести в действие неизвестного папу?

в п. 38, да Александр, послав св. Мартина сделать ее императрицей, заключает таким образом: *eris compatiens imperio meo*¹⁰. Хорошее обещание, не правда ли, — втянуть святую в свои неприятности! Я думаю, дело в том, что латинский переводчик прочитал в своем греческом кодексе *συμπάουσα* вместо *συμπεπαυσα*¹¹, что, конечно, означает «наследящая со мной». А *συμπεπαυσα*, в действительности, есть в том греческом тексте, в котором мы должны, по моему мнению, усматривать оригинал, слегка сокращенный, *Страданий св. Мартины*.

Оригинал — это *Мученичество св. Татианы*, дошедшее до нас (в двух, несколько различающихся по стилю редакциях) в Парижском кодексе гр. 1449 XI в. (не будем цитировать его, так как он вполне доступен) и в Ватиканском гр. 1638 XI в., который тождест-



КОПИЯ

10 ЛЕТ ХРАМУ

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

... по согласо-
 ванию с ректором Московского Государственного Университета, -
 считаем целесообразным учредить Патриаршее подворье в бывшем
 храме св. мученицы Татьяны при Московском Государственном
 Университете (Моховая ул., 9/1) деятельность которого будет
 осуществляться совместно подписанием Нам и ректором ...



Март, 1994 г. I молебн у стен храма.



Январь 2002 г. Восстановление креста.

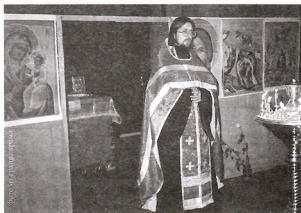


Настоятель вновь учрежденного Подворья над-
 лжен заняться о скорейшей подготовке
 вновь освящаемого храма к началу богослужений.



ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

[Handwritten signature]



Татьянин день, 1995 г.



Татьянин день, 1998 г.

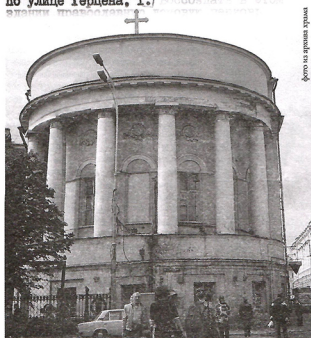
ВЫПИСКА

10 ЛЕТ ХРАМУ

из протокола № **6** заседания Ученого Совета университета
от **20 декабря** 19 **93** г.



Восстановить в прежнем виде архитектурный памятник-здание Московского университета по улице Герцена, 1. Восстановить в этом здании часовню.



6 Мая 1995 г. на храме был вновь водружен крест.



Освящение храма Великим чином



Татьянин день, 2004 г.



Председатель Московского университета
Ученый секретарь
ГЛАВНИИ
В. В. Козлов

« 20 » декабря 19 93.

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Болонский нападл¹: как превратить Иванушку в дурачка

Елена Жоуэл, аспирант философского ф-та МГУ

Не хочется никого в очередной раз пугать эсхатологическими прогнозами, да и вообще в день рождения нашего Университета должно чувствоваться именинника и ником образом не поминать «ненастоящую погоду». Но умолчать о готоящейся угрозе было бы явным предательством по отношению к юбиляру. Поэтому «Татьянин день» считает невозможным не затронуть тему грядущей образовательной реформы высшей школы.



К сожалению, обратиться к этой теме ТА вынуждено еще и довольно прискорбное обстоятельство — большинство из опрошенных студентов МГУ не имеют понятия о том, какая «бесплодная» перспектива вырисовывается для их alma mater в самом ближайшем будущем. Многие лишь отдаленно слышали, что где-то «за бутром» во всю идет Болонский процесс. В очередной раз пассивное безразличие к административным решениям, не тревожащим, на первый взгляд, персональному спокойствию отдельного гражданина, приводит к катастрофическим последствиям. Мы решали рассказать о тех негативных сторонах, которые несет в себе уже практически утвержденная реформа в сфере образования.

Прежде всего объясним в данном случае предупредительный пафос и категоричность определенных необходимых. Принципиальные изменения, которые сегодня предстоит внести российской высшей школе, определяют будущее России — в большей степени,

нежели отечественные нефтяные запасы либо иностранные инвестиции в экономику. Эти изменения затронут самую суть основного ресурса страны — интеллектуального базиса нации. Приемем нации в пределах не только России, ибо солидная часть выпускников стран СНГ, не только этнических русских, учится в российских вузах. «Фирменное» — в силу своей эксклюзивности по западным меркам фундаментальности — российское образование является немаловажным геополитическим интеграционным фактором в отношениях бывших братских республик и России и позволяет последней сохранять хотя бы некоторую степень влияния на некогда советском пространстве. Сейчас же российский высшей школе предлагается изменить лицо. Какой облик она обретет в результате скорой операции?

История с географией: зачет/незачет
В июне 1999 г. в Бонне министры образования из 29 европейских стран подписа-

ли совместное заявление, послужившее началом «Болонского процесса» в европейской системе образования. Цель инициированной образовательной реформы — унификация образовательных стандартов и интернационализация процесса обучения. Тем самым, по мысли идеологов Болонского процесса, образование в Европе должно вносить свою лепту в многоаспектный процесс европейской интеграции.

Полноценно Болонская система должна заработать после 2010 г. Соответственно, к этому моменту во всех государствах-участниках должны быть созданы условия для ее реализации. Россия на этот раз не останется в стороне: в сентябре 2003 г. в Берлине одним рочерком пера экс-министра «по научной линии» В. Филиппова наша страна вступила в Болонский процесс. А 9 декабря 2004 г. российское правительство официально одобрило план реформы системы образования, предложенный уже нынешним министром образования А. Фурсенко. Данный план, собственно, и несет в себе «скелет маршрута в Бонню»: его основные положения написаны в точном соответствии с нормами ЕС.

Русский Philips имени Фурсенко:
изменим жизнь к лучшему...

Итак, мы вступаем в эпоху построения «нового мира» на территории нашей школы, где теперь уже непременно станет «всем» бывший прежде «никем». То быть выпускников новой системы должны ожидать совсем иные горизонты: ведь именно интересы и блага будущей интеллектуальной и профессиональной элиты страны заявлены всеми реформаторами как основные цель и задача. В настоящее же время, по их мнению, не решен ряд насущнейших проблем в сфере образования, главная из которых — несоответствие вкладываемых в головы студентов знаний и реалий внешнего мира, ускоряющихся темпами меняющегося века. Происходит некий взаимный конфликт: общество терпит ущерб из-за отсутствия актуальных на сегодняшний момент спецзнаний, а потенциальный, но пока зеленый «спецпакет» с дипломом на руках мучается из-за своей неостребованности обществом, банальнейшим образом просиживая без работы либо устраниваясь не по специальности. Вот для снятия данного противоречия правительство и делается изменения — под привлекательным лозунгом «профессионализация образования».

Конечно, справедливо задаться вопросом: а вообще так ли уж плахо желание изменить жизнь будущих поколений к лучшему? Здесь мы неизменно стоимемся с палкой о двух концах, причем другой конец этой палки — а на самом деле граблев — уже наемился на наш несчастный лоб. Реформа любых сфер общественной жизни, как правило, — дело столь же необходимое, сколь и щепетливое. Контуры окружающего мира меняются — их

НАБЛЮДАТЕЛЬ

должна сопровождать динамика социальных институтов. Иначе возникает противоречие между актуальными проблемами сегодняшнего дня и косными, изжившими себя формами для их решения, что в большом количестве случаев приводит к различным конфликтам. Верно? Слов нет. Но неминуемо «но» в этом случае перекрывает положительные доводы. Заприкашивши на частных, поверхностных проблемах большой системы, можно ошибочно считать ее всю устроенной неверно и с азартом взяться ее перекраивать. Именно так и происходит в случае с реформой образования. Единственная действительно взрабатываемая проблема из тех, которые публично пытаются решить реформаторы, — трудоустройство выпускников — проблема донельзя конъюнктурная, злободневная, имеющая в основе множество причин (отнюдь не только «ретроградские» дипломы), она, эта боковая проблема, называется достоянием для реформирования центра механизма. У многоэтажного дома здесь и там потекла крыша, а команда 911 начала эвакуировать жителей нижних этажей. Кто и в каких целях отдаст такой приказ? А как же, ведь именно так поступают в Бомбье.

Навязчивый Gaudeamus

Какие же пути предложены для преодоления «неприспособленности» нашего образования? Итак, основные положения реформы таковы: замена традиционной «пятилетней» системой «бакалавр — магистр»; введение кредит-часов; введение системы «образовательных кредитов» — государственных именных финансовых обязательств (ГИФО); большее распространение единого государственного экзамена (ЕГЭ). Одни из наиболее выдающихся инициатив в адрес средней школы — сокращение образовательного стандарта, попросту говоря школьной программы, на 25%. Из обязательной бесплатной школьной программы якобы «чуженские» элементы переносят в область платного послеурочного факультатива, которые те же самые педагоги будут читать детям, но уже за копейку. Таким образом, авторы мечтают по двум фронтам — «обеспечивают материальное положение учителей» и облегчают школьникам завышенную нагрузку. И держки в виде армии непозаполненно обученных детей, не готовых к поступлению в вузы, чьи родители не в состоянии содержать ледягоскопический штат, около которого не беспокоят. Главное — перевести образовательную сферу, хотя бы немножечко, но на рыночные рельсы, в соответствии с чаяниями наших либеральных реформеров.

Только вот прискоробно, что представление о рынке у авторов реформ никак не согласуется с принципом системности тради-

ционного российского образования. Главнейший выверенный козырь всей нашей образовательной системы — ее фундаментальность, органическая логичность компонентов, позволяющая специализироваться не только в прикладной манере, но и системно, — теперь фактически отменяется. Новая вузовская образовательная модель, с разделением на 3-4 бакалаврских и 2-3 магистерских года, повторяет логику школы — высшее образование оказывается в корне раздробленным. И недавние выпускники школ будут «заглядывать» в вузы на 3-4 бакалаврских года, выходя оттуда с дипломами о приобретенном высшем образовании. При том, что реальный образовательный уровень будет у них на порядок ниже сегодняшнего. Ведь далеко не все согут нужным тратить дополнительные 2-3 года на магистратуру, которая, по идее, и должна поставить точку в процессе высшего образования в дальнейшем представлении. При этом внутри самого образовательного процесса тоже предостоят весьма серьезное отступление от системных принципов: и в средней, и в высшей школе непрерывный набор предметов будет заменен системой так называемых кредит-часов: ученик (студент), имея весьма небольшое количество предметов в качестве обязательных, остальную «винегрет» стрипает уже по своему предпочтению. В полном соответствии с мимолетным либеральным сознанием идеями о необходимости защищать право на свободу выбора учащегося, чьи творческие по-

уже сейчас семьям будущих студентов можно подкалывать средства на учебу в вузе, как того требуют привилегированные европейские стандарты — или же подумать о применении себя в других плоскостях... Ну, а уж по вопросу об издержках ЕГЭ слышно столько копий, что об их обломки просто невозможно не сплутаться.

Несмотря на то, что данные положения обещано внедрить постепенно, ненавязчиво, узаконивая за рядом вузов право добровольно от них отказаться, можно сразу предугадать, что желающих противиться государственной указке найдется немного: откатники окажутся в небагажосаальном меньшинстве, и им придется подчиниться общей ситуации, дабы попросту не лишиться лицензий. И уникальней, не имеющая сегодня мировых аналогов образовательная система России станет только воспоминанием.

Без меня меня женили

Зато будет преодоления неприспособленности нашего образования под общественные нужды и запросы. Необходимо только отдавать себе отчет в том, что наши-то, национальные нужды тут ни при чем: внеурядица Европой реформа направлена на обеспечение прежде всего европейских экономико-политических интересов. Повсеместное разделение на среднестатистическое бакалаврское большинство — профессионалов средней руки, которым для выполнения несложных операций совсем необязательно владеть всей премудростью высшей школы, — и тонкую интеллектуальную элитарную прослойку, доступ к которой будет огражден немалыми барьерами, сегодня необходимо Европе в силу многих объективных обстоятельств. Конкуренция со стороны не пишывающейся в эти рамки российской школой мало кого устраивает. Завидное положение — выпускники хемхита расхватаются западными университетами и корпорациями — сумеет «реформировать», превратить страну в рынок как поставки дешевой, среднего образа, но «профессионально котированной» на Западе силы, так и сбыта дешевых импортных товаров, на производство которых и будут расходоваться по большей части образовательные навыки будущих российских специалистов нового фазона. От границ до самых до окраин — одно большое, «отвечающее общеввропейским нормам»... ПТУ. Долго ли умеем?

Мы все дойдем до степеней известных. Ведь нынче любят бессловесные!

Гимн студентов новой России.
 *Напалм — вязкий горючий продукт, применяемый как огнеметная или зажигательная смесь. ●



Рис. Терентий Рувенин

те и ныне сегодня безжалостно стискиваются рамками учебных стандартов. В довершение ко всему удовольствие высшее образование станет платным практически для всех без исключения. По новой системе «образовательных ваучеров», или ГИФО, студент учиться совсем бесплатно лишь в том случае, если сдаст ЕГЭ на самый высокий балл; в остальных случаях он обязан оплачивать себе учебу в зависимости от количества набранных баллов. Легко догадаться, что «обычных» случаев будет процентов 90. Можно уже сейчас пофантазировать, насколько высокой окажется планка бесплатного бала за ЕГЭ. И

ОГНОДОХИЯ

Между Востоком и Западом...

(окончание: начало в № 3 (57) 2004 г.)

беседовала Светлана Успенская

— В чем ты видишь главные различия между православным и западным богославлением?

— В западной Литургии самым важным элементом наставления, и священник стоит лицом к народу, что, я думаю, является ошибкой. Ведь в конечном счете то, что происходит, — это тайна. Западное христианство пытается ее объяснить, но не может. Люди естественно веруют в Бога, но если мы стремимся вопиать Бога в концепции, то в итоге скажете, что и Сам Бог — это понятие, и подойдете к порогу атеизма. Жизнь — это тайна. И технологический прогресс насколько не приближил нас к действительному пониманию того, в чем ее смысл. А величайшая тайна — это, конечно, смерть. Что мы действительно знаем? То, что Христос восстал из мертвых и христианское благовестие — о жизни после смерти. А то, что происходит между жизнью и воскресением, мы точно не знаем. Очень важно, что Восточная Церковь сохранила ощущение тайны Литургии, сохранила понятие богославления как духовного упражнения.

— Какими ты увидел русских людей?

— Кажется, сегодняшняя Москва похожа на Нью-Йорк 20 лет назад: здесь укоренилась весьма агрессивная форма американского капитализма. Очень много агрессивных людей, которые делают деньги и не заботятся о том, как они это делают, очень много личности. Думаю, в русском характере есть такая особая интенсивность, которую можно увидеть и в реалии, и в капитализме...

Но, с другой стороны, русские осознают, что есть внутренняя жизнь. Не все, конечно... Но за теми, кто не пытается «сделать деньги», можно увидеть другую Россию — духовно сознательную, обладающую чуткостью и большой красотой. И вся русская культура — свидетельство жизненности этого измерения, духовного, творческого принципа, который, как я верю, укоренен в русской душе. Возьмите необычайное русское мышление в XIX веке Достоевский. Один из величайших умов человечества! Русская музыка — Шостакович, Рахманинов — гении! Долгое время Запад находился в упадке, а Россия могла стать основой для новой цивилизации — если бы не революция. Но тот необычайный расцвет нигилистской мысли, который начался с Достоевского, потом приведет к таким личностям, как Булгаков и Флоренский, — философам, научная деятельность которых определялась их православным мировоззрением.

— Ты проделава уже большую часть своего путешествия — изменили ли оно тебя?

— Я стал совершенно другим внутренне — а это и есть самое важное. ●

ДИСКУССИЯ

Современная церковная наука и оценка деятельности патриарха Сергия

В ответ на статью доцента факультета журналистики Г.А. Пруцкова «Политика патриарха Сергия: ложь во спасение. Ответ проф. Н.Е. Емельянову» главный редактор газеты ТД получил письмо проф. Емельянова с отзывом на невольную вызванную им полемику. После долгих споров и дебатов мы решили опубликовать суждение проф. Емельянова, а также попросили прот. Максима Козлова прокомментировать позицию профессора, потому что за ней видится не только его личная точка зрения, но и некоторая распространяющаяся сейчас тенденция к переоценке нашей церковной истории.

<...> К сожалению, автор отзыва избрал тон иррационального и обвиняющего, обвиняя газету ТД и, очевидно, меня — автора статьи, в дерзости обвинения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. Но в моей статье обвинения в адрес патриарха Сергия нет, есть только теоретико-информационный статистический анализ эпохи гонений и вывод о том, что политика компромиссов, имевшая целью остановить или ослабить гонения, себя не оправдала. Такая оценка сейчас стала общепринятой, она разделяется и церковными учеными, и светской наукой (см. Богословскую энциклопедию, современные церковные диссертации, это отмечалось в докладах недавней конференции в ИРИ РАН и т. п.).

Нравочительные отповеди, продиктованные политически-презавздой позицией, были обычными при советской власти, но для свободной науки они неприемлемы и в научные исторические исследования они все равно не останавят. Гр.Пруцков совершенно несведущ в обсуждаемой теме. Его отзыв состоит из всеим известных цитат и общих мест, он не дает себе труда ии не умеет сделать строго логические выводы из своих же собственных рассуждений. Иначе, как маргинальный, его не назовешь. Публикация такого рода не делает чести газете ТД, и научная полемика здесь невозможна <...>

С уважением,
профессор Н.Е. Емельянов.

Комментарий прот. Максима Козлова, настоятеля домового храма св. мц. Татианы при МГУ

В последнее время в некоторых кругах стала прослеживаться тенденция без предварительного согласования, не опираясь на полноту свидетельств о церковном бытии наиболее трагических 20-40-х гг., а только на мировоззрение некоторой части Церкви в ту эпоху, прежде всего «непоминающих» и последователей митрополита Иосифа (Петровых), провести ревизию всей нашей церковной истории с позиций этой группы священнослужителей, мирян и нынешних их преемников. Это видится столь же неосно-

вательным, как имевшееся прежде, встречем, вынужденное, сведение церковной историографии к апологии одной только мнимы митрополита (последствия патриарха) Сергия и его преемников. Но если тогда эта апология была продиктована как внутренним убеждением, так и внешним давлением, то навязывание теперь Церкви противоположного взгляда, как единственно верного, вряд ли можно назвать тем, что проф. Емельянов называет «свободной наукой», находящей вне давления политически продиктованных политических отповедей и иных презавздой позиций».

Только несколько фактов. Проф. Емельянов говорит нам как о совершившемся факте нашего научно-церковного сознания об отрицании пути, выбранном митрополитом Сергием, ссылаясь, в частности, на Богословскую энциклопедию. Но если мы отроем ее вступительный том и прочтем раздел «Русская Церковь при Патриаршем местоблагодателе митрополите Сергии» и «Русская Церковь при Патриархе Сергии», то не увидим ничего в этом разделе, что бы оправдало такое суждение. Если мы отроем наиболее фундаментальный из недавно изданных исторических трудов — 9-й том «Истории Русской Церкви», то в заключении раздела о жизни нашей Церкви и предостательстве митрополита / патриарха Сергия приводятся известные слова одного из величайших богословов XX века В.Н. Лосского: «Когда умер Василий Великий, его друг и соратник Григорий Богослов мог сказать: «Все было велико в тебе, Великий Василий, одно лишь было малое: только 8 лет ты был епископом Кесарии». То же можно сказать и о почившем возглавителе Русской Церкви. Все было велико в жизни великого Сергия, который лишь только несколько последних месяцев своего епископского служения носил сан Патриарха Московского и всея Руси. Но как Патриарший местоблагодателем он почти 18 лет управлял Русской Церковью. Старый мир, мир русской империи, мир византийских традиций, восходявший к Константину Великому, тот мир, который казался многим миром самого хрис-

ДИСКУССИЯ



Фото с сайта www.bogoslovo.ru

тианства, внезапно рушился до основания, и на его месте возникал новый мир вне христианства, но не вне Божественной воли, определяющей историческую судьбу. Чтобы руководить церковной жизнью в столь исключительных условиях в Москве — столице нового государства, в центре строящегося нового мира, надо было обладать непоколебимой верой в богоустановленность Церкви»¹.

Можно вспомнить о том нравственном облике, который являл нам приспомятый патриарх Сергий, имевший обычаем начинать день с 5-часового вставания, вычитывания инокского правила, ежедневного посещения церковного богослужения, ежедневного чтения Священного Писания на трех языках: еврейском, греческом и славянском. И затем, после самого легкого подкрепления пищей, — дела, дела весь день до вечернего правила, когда он вновь вычитывал дневные службы по Октоиху, Минее, если сам затем не совершал всенощное бдение в храме. Каждую ночь вставал он в три часа и вычитывал 12 избранных псалмов с поклонами. Так, сутки

за сутками, проходила жизнь предстоятеля Русской Церкви.

Мы знаем, что позиция митрополита Сергия, занятая в 1927 году и последующих годах, действительно не разделялась значительной частью епископата, духовенства и народа. Знаем и то, как многие, пошедшие на разрыв с митрополитом Сергием после Декларации 27 года, укоряли себя: «Что я надеялся, что я надеялся...». Вспомним хотя бы такой ярчайший документ, как предсмертное послание митрополиту Сергию протоиерея Валентина Свенцицкого, автора едва ли не лучшего апологетического труда XX века — книги «Диалог».

Для того, чтобы наш читатель не недоумевал об официальной позиции сегодняшней нашей Церкви, хочу напомнить, что именно в дни президиата делегации Русской Зарубежной Православной Церкви во главе с митрополитом Лавром, наряду с богослужением в Бутово, была совершена в тот же день Святейшим Патриархом Алексием и панихида в Елоховском соборе у гробницы патриарха Сергия, когда 15 мая исполнилось 60 лет со дня его престав-

ления. И в слове перед панихидой Святейший Патриарх Алексий, сказал в частности, следующее: «На долю этого архипастыря пришлось самые тяжелые годы богоборчества, когда нужно было сохранить Церковь Русскую. По-разному оценивается деятельность Святейшего Патриарха Сергия, особенно его Послание к пастырям и пастве от 29 июля 1927 года. В этой Декларации он сказал: «Мы хотим быть православными и хотим осознавать Советский Союз своей Родиной, радости которой — наши радости и печали которой — наши печали». Это была попытка показать богоборческой власти, что Церковь не является контрреволюционной организацией. Этой фразой часто попрекают Святейшего Патриарха Сергия, говоря: какие могут быть общие радости и общие печали между Церковью и атеистическим государством? Но Святейший Патриарх Сергий имел в виду не атеистическое государство, он писал о Родине. Слово «Родина» и понятие Родины в послереволюционные годы не употреблялось... В 1927 году само употребление этого — Родина — было смелым шагом Митрополита Сергия: попыткой показать властям, что Церковь всегда разделяет с Родиной и ее радости и ее печали». И ниже в том же слове патриарх Алексий говорил следующее: «В то же самое время мы отдаем дань уважения благодарной памяти Святейшему Патриарху Сергию за то, он в тяжелейших и труднейших условиях бытия Церкви в 30-е годы вел корабль церковный и сохранил Церковь Русскую среди тревожащих бурного житейского моря» (сайт www.sedmitsa.ru).

Мы напоминаем это не столько проф. Емельянову, сколько нашим читателям. Я думаю, что все вышеприведенное Николаю Евгеньевичу хорошо известно. И очень жаль, что столь уважаемый и заслуженный ученый в вышеприведенном письме выразил не должное отношение к находящемуся у него митрополитскому, открытое слышанию другого голоса, а позицию нетерпимой к инакомыслию идеологии тоталитарной группы. Вот это мироозрение и такой подход к церковной истории нам представляется недопустимым разделять.

¹ Непоминание — архиерей и священники, не поминание на богослужении имени заместителя Патриаршего Местоблестителя митр. Сергия (Старгородского) после Декларации 1927 г.

² Православная Энциклопедия. Русская Православная Церковь. — М., «Православная энциклопедия», 2000 г., с. 148-151

³ История Русской Православной Церкви 1917-1997, книга 9, прот. Владислав Цыпин. — М., «Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря», 1997 г., с. 314-315

ИСКУССТВО

От госзаказа к аутентичности (от народного хора к фольклорному ансамблю)

подготовил Алексей Дубосарский, филфак МГУ, по материалам статьи старшего научного сотрудника фольклорной комиссии при Союзе композиторов Н.И. Жулановой «Молодежное фольклорное движение».

*Там стояла в поле дрова...
Подрубили ж эту дрову
Под самый под корень...
(казачья песня)*

Долгое время в эпоху Советского государства положение народного творчества и отношение к нему было парадоксальным. Декларировалась его бурный расцвет, а в то же время целые пласты традиционного фольклора оказывались ненужными социалистической стране: в 30-е годы они расценивались как идеологически вредное наследие доэволюционного «кавказского» быта, как нечто «отсталое». Но хуже всего то, что крестьянское искусство, не дождавшись его «естественного» отмирания, попытались «улучшить» и «современить» и в таком виде поставить на службу государственной культурной политике, видимо по принципу «пар-



шивой овцы хоть шерсти клок». Так появился сконструированный под давлением тоталитарного государства официальный образ народного искусства — «государственные» или «самодельные», но всегда похожие друг на друга «народные хоры» и «ансамбли песни и танца» — и не только русские, но и разноразличные.

Нижний рейтинг всего «деревенского» еще больше понижался из-за распространения официального, жизнереалистично-лакированного, а в общем-то упрощенного и фальсифицированного образа деревенского искусства. Это был тот самый «шерсти клок» — убогий суррогат, сфабрикованный по госзаказу, одетый в иеземные сарафаны с баясками, с приставными косами и «приклеенными» ульбасами, подражавшийся выразить «задушевность» и «улыб» с помощью специально придуманной «народной» манеры пения и на удивление хорошо сохранившийся (господдержкой) до наших дней. В результате народное искусство перестало быть ценностью: свое становилось ненужным, чужим.

«Фольклорный бум» начался позже... Новое открытие фольклора началось с подвига фольклористики. Практической инициативой фольклористов было возобновление музыкально-этнографических концертов с участием аутентичных фольклорных певцов и музыкантов. Другим каналом информации о подлинных народных традициях стали фольклорные экспедиции, в частности студенческие, введенные в учебные программы гуманитарных факультетов. Но настоящий «фольклорный бум» начался позже, когда в 80-х на сцену отечественной культуры буквально ворвался со своим ансамблем Дмитрий Покровский. Выступления ансамбля были встречены с восторгом: появились его горячие почитатели (особенно в среде художественной интеллигенции и студенчества), предложения о сотрудничестве в театральных спектаклях и кинофильмах. Некоторые из этих работ

оказались весьма интересными: вспомним, к примеру, участие ансамбля в фильме Э. Каимова «Прощание с Матрëй», радиоспектакле по роману М. Шолохова «Тихий Дон» или в так и не пропущенном министерской цензурой, но все-таки успешном «нашуметь» спектакле Ю. Любимова «Борис Годунов» в Театре на Таганке.

Однако со временем выступления ансамбля Покровского все чаще стали вызывать негативную реакцию со стороны специалистов по фольклору и участников других фольклорных ансамблей. Не устраивало постепенно усиливавшееся стремление к стилистической эффектности, броскости, «эстрадность» — порой в ущерб этнографической точности. Пути Д. Покровского и основной массы любительских фольклорных ансамблей начинали заметно расходиться.

Молодые певцы уже чувствовали, что народной песне «неуютно» на сцене, что песня не всегда «раскрывается» во время концерта, что профессионализация, к которой стремились некоторые фольклорные коллективы, достигшие высокого исполнительского уровня, — не самый лучший способ сохранить народную певческую культуру.

Так, в центре внимания оказалась проблема, ставшая центральной для российского фольклорного движения: можно ли вернуть народную песню в быт, внести ее в повседневную и праздничную жизнь современного города.

Гармония... от жизни

Разновидностью стилистического направления стали фольклорно-этнографические театры. К этому течению можно отнести не только собственно театры — профессиональные (например, созданный из выпускников театрального училища им. Щепкина) или любительские («Братаны» на филфаке МГУ), — но и фольклорные ансамбли, которые строили свои выступления в виде театрализованных композиций (ансамбль Пермского университета). Подлинным открытием 80-х гг. стало появление фольклорных коллективов, которые сумели соединить в себе две тенденции — бытовую и сценическую — и таким образом избежать обеих крайностей. Это оказалось возможным лишь в рамках любительства, которое давало необходимую свободу, как финансовую, так и творческую.

Такие ансамбли, как «Казачий круг», «Народный праздник», «Ансамбль сибирской народной песни», имели очень ярко выраженное собственное «лицо». Оно определялось, в первую очередь, своеобразием локальных фольклорных традиций, на основе которых работал коллектив.

Особенно интересно складывался репертуар «Народного праздника». Долгое время его называли «ансамблем трех сел», поскольку он формировался с опорой на песенные традиции сначала сел Липово Сумской обла-





сти (русская этнографическая группа «горюны» и Загороднее Харьковской области, а несколько позже — помесского белорусского села Столбун Гомельской области. В таком самоограничении была большая смысл: «Народный праздник», как никакой другой из существовавших в то время молодежных ансамблей, достиг той степени погружения в местный песенный стиль (песенно-музыкальный диалект), той локально-определенной певческой специфичности и достоверности, которой не было у народных хоров и к которой стремились новые ансамбли.

В ансамблях велась большая, тщательная работа по освоению песен, приближенно к традиции-первосточнику. Осознавалась необходимость устного обучения фольклорному пению — по слуху, с помощью звукозаписей, в частности многоканальных. Кроме того, участники молодежных групп установили контакты, по-настоящему дружеские связи со своими «утраченными» — так уважительно называли сельских мастеров народного пения.

Большая часть жизни коллективов проходила вне сцены и не была ориентирована на нее: поездки в деревни, общение с народными исполнителями, внутриансамблевые «спевки», дружеские встречи с другими коллективами. Посиделки, разговоры, чаша пива, поемки... Песня возникала сама собой, из жизненной ситуации.

Начались поиски нового звучания. В народной культуре устойчивые певческие группы — это не случайный набор талантливых людей того или иного села. Цельность звучания традиционного сельского ансамбля определяется внутренним единством близких по духу и по жизни людей — родственников, соседей, друзей: гармоничность звучания зависит не только от техники владения звуком, но и от психо-

логических взаимоотношений. В результате рождается особая энергетика звучания, которая захватывает и самих певцов, и их слушателей, позволяя в музыке услышать красоту мелодических линий и гармоний, ощутить духовную силу национальной культуры. Вероятно, это и сообразит крестьянской музыке ту глубину народной мудрости, которая скрывается в сегодняшнем мире под английским словом «фольклор».

Именно манера пения, специфические голосовые тембры определяют резкость границы между фольклорными ансамблями и народными хорами. Никаких готовых, единых для всех вокальных методик, в отличие от народно-хоровой школы, здесь не существовало. Но путь был один: через тщательное (но не механическое, а «умное») копирование — к свободному овладению локальным музыкальным диалектом.

Существовало и до сих пор существует немало вторичных ансамблей, которые сами себя называют фольклорными, но по сути таковыми не являются. Критериями отличия «настоящих» фольклорных коллективов являются: стремление к этнографической точности (уход от любых форм обработки и стилизации фольклорного материала, характер звучания и репертуар, передающие локально-музыкальную и диалектную специфику); большой уделный вес экспедиционной и исследовательской работы в деятельности коллектива.

Изготовить кутикулы — «хороший тон»

Еще в начале 90-х годов внимание было уделено на попытки реализовать специфические качества собственно музыкального звучания народно-певческих стилей, то постепенно в фольклорном движении со-

зрело понимание необходимости комплексного освоения народной традиции.

Первые ансамбли могли выходить на сцену в обычной, городской одежде. Затем молодые певцы надели этнографические костюмы, сделанные руками деревенских мастериц и привезенные из экспедиции. Но уже вскоре «хорошим тоном» стало умение самим изготовить традиционную одежду по традиционной технологии, приблизившись, таким образом, не только к песенной, но и рукодельной народной традиции.

Необходимыми компонентами многосторонне осваиваемой народной традиции стали: изготовление народных инструментов и игра на них (кромее гармоны и балалайки — кутикулы, народная скрипка, бубен, гусли, жалеяка, одианные травяные и деревянные дудки, варган, пастушьи рожки и др.), народная хореография, игры, народный театр, русские боевые искусства, различные виды прикладного творчества, сказки, былички, загадки, традиции народной медицины и народной кулинарии и т. д.

Все мы знаем, что народные промыслы, традиции и культура проведения народных праздников, где пели и плясали, играли и веселились от души, а не стремились напиться и забыться, под напором техногенной цивилизации, к сожалению, утрачивают свое значение и смысла, следовательно, становятся ненужными и забываются. В сложной сегодняшней ситуации, когда естественные механизмы устной передачи знаний из поколения в поколение в крестьянской культуре сильно разрушены, только мощная социкультурная инициатива, подкрепленная энергией молодых и зрелым фольклористическим знанием, может восстановить утраченные звенья традиции, переломить инерцию угасания. ●

КИПРСКИЕ КАНИКУЛЫ

Честной крест православного Кипра

Иеромонах Даниил (Сычев)

Монастырь Ставровуни расположен в стороне от главной дороги Ларнака-Лимасоол, на самой вершине горы Креста, высотой около семисот метров. Асфальт, электричество, телефон, водопровод и прочие блага цивилизации дошли и сюда, но это мало изменило главную цель насельников обители – ежедневно и ежечасно предстоять в молитве перед Честным Крестом.

*«Креста Твоего древу поклоняемся,
Человеколобиче, яко на нем приобидился
еси, Животе всех».*

Через год после I Вселенского Собора в Никее совершилось важное для всех христиан событие. В 326 году святая равноапостольная Елена, царица Константинопольская, после долгих поисков обрела в Иерусалиме величайшие святыни: Честной Крест и Славенные Гвозди, которыми был прибит к Кресту Спаситель, и кресты двух разбойников – раскалявшегося и нераскалявшегося. Святитель Макарий, архиепископ Иерусалимский, прикладывала все три креста к телу умершей женщины. И когда она воскресла от прикосновения Честного Креста, все возрадовалась произошедшему чуду. Святая Елена не могла сразу различить оставшиеся кресты и повелела поменять на них перекладины. Каждый крест стал содержать часть

креста раскалявшегося разбойника. Оставив в Иерусалиме большую часть Честного Креста, взяв другую часть и остальные кресты, в 327 году святая Елена отправилась из Палестины в обратный путь в Константинополь. Сохранившаяся на Кипре предание именно с этим путешествием и связывает историю основания монастыря Ставровуни.

Из-за разразившейся на море бури царица Елена приказала бросить якорь у южного побережья острова Кипр, в устье реки Тетнос, впоследствии переименованной в Васлопотамос (Царская река). В ту ночь явившийся святой Елене Ангел Господень повелел ей воздвигнуть на острове христианские храмы и оставить в них частицы Честного Креста. Проснувшись, свята и воины, сопровождавшие царицу, не обнаружили в лагере великой святыни – Креста Господня. В результате долгих поисков его наши парияним и святиянимс над одной из

горных вершин, в окрестностях Китиона (нынешней Ларнаки). Вместе со своими спутниками и местными жителями святая Елена поднялась на гору, носившую тогда название Олимп. Она повелела сбросить в пропасть статую стоявшего здесь Зевса Олимпийского, разрушить языческое святилище, а вместо него заложить каменный храм. В новом христианском храме святая Елена оставила крест, составленный из дерева крестов двух разбойников, а в центр вложила частицу Животворящего Креста Господня и один из Гвоздей. Так она положила начало обители в честь Святого Креста – Ставровуни. Возблагодарив Господа в своих молитвах, святая Елена спустилась с горы, прошла по острову и заложила еще несколько храмов, где оставила частицы Истинного Креста. Вскоре бедствия, до того посещавшие жителей острова в течение многих десятилетий – мор, нестерпимая засуха, нашествие ядовитых змей, – чудесным образом прекратились. Многие киприоты, покнившиеся ранее эту благословенную землю, вернулись обратно, чтобы под сенью Честного Креста обрабатывать землю, строить новые дома и храмы. С тех пор гора и возникший на ней монастырь получили название Ставровуни (по-гречески «ставрос» – крест и «вуно» – гора).

С 1988 года в Ставровуни восстановлен статус закрытого мужского монастыря и посещение обители женщинами запрещено.

Обитель неоднократно разрушалась и перестраивалась, но в своей основе сохранила древний храм X века. В письменных источниках о храме Креста Господня впервые упоминается в «Алексиаде», написанной в 1092 году Анной, дочерью византийского императора Алексия I Комнина (1081-1118 гг.). В начале XII в. паломничество в монастырь Креста совершила игумен Даниил, постриженник Киево-Печерской Лавры, путешествовавший по Святой Земле в 1104-1107 гг. В «Житии и хождении Даниила, игумена Русской земли» Кипр упоминается как остров «обилен всем добром». В Ставровуни игумен Даниил посетил главный храм, «где царица Елена поставила большой кипарисовый Крест на изгнание бесов и на исцеление всяких недугов... Бывают у этого Креста знамения и чудеса. И ту недостойный аз, поклонился святыне той чудесной, и видах очима своима грешными благодать Божию, сушу на месте том...».

В период правления Кипром королевской династией Лузиньянов (1192-1489 гг.) на острове поселилось большое количество католи-



Фото-художник «Пифагоров»

КИПРСКИЕ КАНИКУЛЫ

ческих священников. Все, кто исповедовал Православие, особенно монашествующие, претерпели от них преследования и издевательства. В конце XX в. иконописцами Ставроуни написан образ тридцатидеи преподобно-мучеников монастыря Пресвятой Богородицы Каптарской, подвергнутых жестокому пыткам и сожженным alive в 1231 году за исповедание православной веры.

В середине XIII века, как и все другие обители острова, монастырь Ставроуни был передан католическим монахам, ордену святого Бенедикта Нурсийского. В стенах обители они пребывали до 1474 года, когда сюда вновь вернулись православные греки-киприоты. В июле 1426 года отряд египетских мамелюков под командованием эмира Иешбега разграбил монастырь и сжег церковь Креста. От врагов и в пожаре пострадали многие святцы. С тех пор в обители хранится лишь часть креста покореженного разбойниками с частицей Креста Господня.

После продолжительных землетрясений 1491 года прекратилось чудо шарафны Креста, отмеченное игуменом Давниолом. В те же годы с южной стороны алтаря главного храма была построена небольшая часовня, где и хранился Крест. В ведении атакян Ставроуни частично находилась и при правлении венецианцев (1489-1571 гг.). Православные и католические монахи одновременно проживали в обители и в 1521-1571 годах, но что примечательно, случаев перехода в униатство отмечено не было. В 1570 году островом завладели турки-оттоманы, которые в июле того же года убили укрывшихся в стенах Ставроуни нескольких монахов и мирян. Всех людей, выживших во время страшной резни, турки увезли в плен. После получения киприотами у визира Мехмет Паша некоторых привилегий Нарху с другими обителями и храмами острова была выкуплена у неверных и монастырь Ставроуни. С 1660 года, после укрепления на Кипре власти православных епископов, ставших почитаемыми (эфраима) греков-киприотов перед представителями османского султана, началось новое возрождение монастыря.

В период британского правления (1878-1960 гг.) насельники обители Святого Креста достойно преодолевали возникавшие проблемы. В начале оккупации из-за полного отсутствия средств обитель покинули монахи Дионисий (Христыде); 1816-1902 гг.) и четверо его ученики, прибывшие сюда в конце 1860 гг. со Святой горы Афон.

В 1882 г. отец Дионисий, движимый глубокой верой и любовью к приходским в запустение родным местам, вернулся на Кипр и с 1889 года вновь возглавлял обитель. При нем в монастыре был принят строгий афонский устав, которого братья Ставроуни неукоснительно придерживаются до сих пор. В ризнице Ставроуни хранятся написанные им в 1890 году иконы святых Иоан-

во многих местах небезопасная дорога, идущая к монастырю, при поддержке государства была расширена и заасфальтирована.

Тридцать лет отец Герман (1952-1982 гг.) управлял этой обителью, продолжая славные духовные традиции, заложенные старцами Дионисием, Киприаном († 1955 г.), Макарием († 1957 г.). Старец Герман, как игумен и духовник, в начале 1960 гг. получил

Фото журнала «Горький»



на Претечи и Иоанна Богослова.

Возглавивший в начале XX в. обитель старец Варнава (Хараалампиде) руководил ею 46 лет. При нем, в 1909 году, к западу от главного корпуса была построены восемь келий и новый резервуар для воды. Продолжая развивать искусство иконописи, игумен Варнава в монастыре и на его подворьях восстановил пчеловодство, виноградарство и животноводство. Число братии к 1940 году возросло до семидесяти человек, из которых только двадцать были послушниками.

**Стоит на воздухе этот Крест,
ничем не скреплен с землею,
только Духом Святым держится...**

Обретение Кипром независимости в 1960 году сильно повлияло и на жизнь обители. В работах по реставрации Ставроуни стало принимать участие и молодое независимое государство, возглавляемое архиепископом Макарием III (1913-1977 гг.). В 1963 году, когда при наступлении немцев обрушилась большая часть восточной скалы, примыкавшей к главному корпусу, Департамент древностей выделила средства на ремонт западного крыла келий. Тогда же была демонтирована возведенная в 1905 году комокалия и построена новая, более устойчивая. В конце 70-х годов XX века старая, извалившаяся,

благословение принять на себя духовное попечение о возрождаемых на острове женских обителях. Ко второй половине XX в. женское монашество на Кипре пришло в полный упадок, и только благодаря архиепископской воле Макария III и усилиям мужских монастырей оно было возрождено и имеет нынешний цветущий вид, о Герман оставил большое количество духовных наставлений, в которых часто обращаются монашествующие и миряне. Одной из основных тем в его насаждении является тема христианской любви. Старец Герман писал: «Тот, кто любит ближнего истинной, согласной с волей Бога любовью, чувствует в своей душе безграничный мир и радость. Тот, кто любит ложной, поверхностной любовью, притворной, плотской и страстной, ощущает внутри себя беспокорность и смутение... Истинная любовь пронизана духом смиренности, жертвенности и самоотдачи. Тот, кто любит согласно с волей Божией, приносит в жертву свои желания и свой досуг тому, кого он любит».

Безвременно почившего 31 августа 1982 года архимандрита Германа на посту настоятеля сменил отец Афанасий (род. в 1925 г.), проходивший послушания в обители с юных лет. Благодаря неустанным молитвенным и физическим трудам архимандрита Афанасия все посещения Ставроуни ощущают в этих стенах особую благодать, любовь и внимание. ●

ВЕХИ ВЕКОВ

Еще раз об уроках истории

Открытое письмо

Юбилей бывают не только радостные. Единственно правильное историческое сознание сохраняется у нас тогда, когда мы помним не только юбилей-триумфы, но и юбилей-трагедии. Одним из таких является Кровавое воскресенье 9 января 1905 года – событие, трагически определившее ход истории XX века. Ему и посвящено письмо нашего читателя.



Юлия А. Власова

Почти 100 лет отделяет нас от трагедии 9 января 1905 г., когда по тайному сценарию врагов России на капище Великой смуты XX в. были принесены очередные невинные жертвы. Именно это событие, неоднозначно оцениваемое и сегодня, стало сигналом для раскручивания «генеральной репетиции» 1917 г. с нарастающим числом жертв противостоящих сторон: защитников и разрушителей уникального, преимущественно православного сообщества народов нашего Отечества.

Истоки этого противостояния теряются в глубинах истории, но становятся достаточно очевидными с бессмертным земным подвигом Иисуса Христа. Именно тогда, более 2000 лет назад, человечеству был наглядно открыт единственно возможный путь ко спасению: личное совершенствование и сорванное утверждение абсолютных принципов любви и покаяния в преодолении неизбежных противоречий на пути истории.

Историческим актом Крещения единственно верный выбор был сделан и нашими далекими-близкими предками, причем и сегодня он остается наиболее предпочти-

тельным для значительного большинства наших соотечественников. Естественно, что за 1000 с лишним лет преодолено и остается немало сложных противоречий. В их числе особое место занимают различные альтернативы, в том числе александрийские и откровенно антихристианские. Самой безжалостной и лидерной из них оказалась Марксова утопия, которую сам автор обозначил как «призрак грядущего коммунизма» с заведомо неизбежными жертвами.

Утратив шансы на реализацию этой исторической авантюры в Западной Европе, ее сторонники сосредоточили свои усилия в России с более высоким доверием к «новому слову», к тому же «украшенному» заимствованиями из Нового Завета. Особое значение придавалось преднамеренной дискредитации Царя и Церкви – главных духовно-нравственных ориентиров и наиболее надежных гарантов торжества Православия. Отсюда и злодейский провокационный замысел заведомо расстрельного воскресного шествия.

Теперь всему действительно цивилизованному миру достаточно известны траги-

ческие последствия преступного акта александрийца Георгия Гапона и «штабных» революционеров за спиной не только столичных рабочих, но и абсолютного большинства населения России: нарастающее пролитие крови до и после государственной катастрофы 1917 г.; построение первого в мире убийственно скачкового «социализма» и его распад, подобный распаду новой Вавилонской башни.

Только Бог поругаем не бывает. Об этом убедительно свидетельствует, с одной стороны, печальная судьба зачинщиков и активистов кровавых антимонархических и антицерковных акций (в конечном счете – и антинародных), попавшихся за свои «эксперименты». С другой стороны, ярким свидетельством торжества Православия

стал сонм святых российских новомучеников и исповедников во главе с императором Николаем Александровичем Романовым и рядом иерархов Русской Православной Церкви...

Можно было бы поставить точку. Но сменяется поколение за поколением, и вновь возникают новые и реанимированные альтернативы, а наследники Великой смуты XX в. по-прежнему не признают покаяния, продолжают искажать исторические факты и скрывать завуалированные политические игры вокруг них.

Не пора ли всерьез задуматься об уроках истории? Во-первых, осознать благодатную мощь Православия и Церкви; во-вторых, принести покаяние за себя и за предков своих, выстраивая свою жизнь с последовательно христианских позиций. А учащим и учащимся полтудругих в познании уроков истории, чтобы достойно противостоять ошибочным позициям. ●

Ю.Б. Стракач,
выпускник юрфака МГУ 1952 г.,
д-р ист. наук, профессор.

ВЫ МНЕ ПИСАЛИ, Я ПРОЧЕЛ...

Апология человека

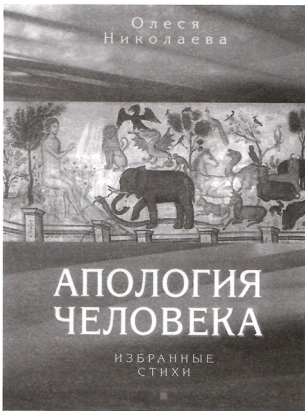
Евгения Коровична, аспирант филфака МГУ

Рецензия на книгу Олеси Николаевой «Апология человека. Избранные стихи». — Москва, 2004 г.

*Наслаждайтесь же человеком,
радуйтесь же ему,
глядите ему в глаза, обнимайте
от избытка чувств.
...Потому что человек, откуда он жив,
не принадлежит себе одному.
(О. Николаева «Апология человека»)*

Как-то Олеся Николаева в своей книге «Православие и свобода», рассуждая о нынешнем веке, назвала его «царством тотальной человеческой низости». В том смысле, что никогда еще низость столь уверенно и успешно не претендовала на статус нормы, не навязывала себя в качестве образа человеческого поведения. В таких условиях человек, так или иначе вынужденный адаптироваться к этому вывернутому названку миру и не имеющий при этом никакой христианской основы, то есть абсолютно духовно дезориентированный, подстраивает себя под существующие стандарты. Поскольку в этом обществе позорно быть не таким, как все, он подчиняется шаблону, нивелируя свои индивидуальные черты. Поднявшись помосу собственного своеобразия, он убивает в себе неповторимую личность. Нынешняя цивилизация, по мнению поэта, направлена на переработку природы человека — ей не нужны живые творческие личности с их страданиями и откровениями, ей нужны запрограммированные, «нравственно обесцененные» роботы, манипулируемая масса, с помощью которой можно реализовать собственные нехитрые потребности.

Новая книга О. Николаевой называется «Апология человека». В переводе с греческого «апология» означает «защитное слово, оправдание». Поэт создает слово в защиту человека, пытаясь в нем самом раскрыть нечто, что поможет ему не стать роботом или таким, как все, а раскрыться во всей полноте, стать самим собой; поэт хочет показать человеку самого себя — такого, каким он должен быть по Божественному о нем Замыслу. Олеся Николаева, как поэт, безусловно, талантливо, удается проникнуть в самые глубины сердца человеческого. Гоголь в своей «Авторской исповеди» писал: «От малых лет была во мне страсть замечать за человеком, ловить душу его в малейших чертах и движениях его, — и я пришла к Тому, Который один полный ведатель души и от Кого одного я мог узнавать понее душу». Глубже проникая в душу человека, писатель прозревает такие ее глубины, где он уже не может не встретиться с его, человека, первопринципом, с его Творцом. Так и автор нынешней книги, изучая человека, не останавливается на поверхности явлений, но прозревает их корень, их Божественное начало.



Поэт отмечает в очередной раз, как человек, живя в обществе, вынужден так или иначе подлаживать себя под его стандарты, кроить свою бессмертную душу по моде нынешнего века, сговаривать ее кандалами стереотипов, освобождаться от которых почти невозможно:

*Я — богатый юноша, и мне жалко
растаться с сабелкой из Эфеса,
и с калмалом бархатным с аллой
ленной,
и с пером на ишлите, и с крепким
перстнем...
С этой гордой складкой у губ,
с повадкой
молодого рыцаря, и с посадкой
верховой, с пуржинистой походкой,
с подбородком, выплывшим легкой
лодкой.*

Такая зависимость от внешних обстоятельств делает человека очень неустойчивым и подержанным малейшему влиянию извне: «Неустойчив все-таки человек — то и дело дает крен: из стороны в сторону по-

шатывается». Попытка найти в этих зыбких основаниях опору бытия и осознание невозможности опереться на них, стремление стать «не хуже других», отсутствие покоя делают человека испуганным, забитым,

обессиленным на все человеческое, жалким: «Жалок человек и наивен, когда изменяет себе». Особенно остро вопрос стоит тогда, когда речь идет о человеке творческом, наделенном всей силой самопознания. Тяжесть собственного «я», нереализованность кажется ему почти не в в о с и м о й. И единственный способ обрести голос, начать творить нечто новое, не бывшее до него — увидеть в себе самом своего Творца и добровольно подчиниться Ему. Стать самим собой можно только открыв широкий путь, давно и уверенно искоженный, погрузившись в свою неисчерпаемую внутреннюю сложность, предпочтя свои anguish

страдания и душевные противоречия и внутреннее богатство всему миру. Олеся Николаева сама, опытом, трудом и работой над своей душой показывает в своих произведениях, что обязанность и предназначение человека — раскрыть в себе образ и подобие Божие, реализовать первоначальный Замысел о себе. Для того, чтобы разглядеть в себе волю Творца, необходимо только одно — любовь. Поэт призывает любить и жертвовать собственным своеволием ради другого, ибо догадывается, «что будет с человеком, если его не любить».

Как верно замечена в предисловии к книге Елена Степанян, сборник отличается своего рода рамочной композицией: начинается он романом в стихах «Августин» и заканчивается стихами в прозе, объединенными общим названием «Апология человека». Несмотря на сложную разность, эти два произведения сближает то, что поэт стремился сделать очевидным для читателя на протяжении всей своей творческой жизни: то важнейшее, что соединит людей, делает их неуязвимы друг другу, спасает их от самих себя — Любовь. ☉

КИНОМЕХАНИКА

В стиле ретро

Лариса Шорина, кандидат искусствоведения

Совсем недавно на Первом канале закончился показ трех исторических сериалов, объединенных местом, временем, общей сюжетной исторической канвой. Событийное пространство фильмов очерчено обстоятельствами: Советский Союз — 1937 год — война — оттепель.

Выпущенные практически встык один за другим, эти фильмы поневоле должны восприниматься как единая историческая оценка судеб страны в определенном периоде. Вариант случайности или непродуманности репертуарной политики на столь многоопытном канале исключен, потому логично этот длинный сериал о судьбе поколения воспринимать как позицию авторов канала.

Как это ни смешно, но для восприятия сериалов в композиционном единстве имеются и формальные основания: в фильмах есть лица, связывающие все произведения своим присутствием. Сталин и Чурикова, Кутченко и Валуев. Исторический персонаж — одновременно в качестве символа и объекта историко-психологического анализа. Актеры — ну, понятно, как талантливые исполнители, а также как яркие исторические типажки.

Такая плотная взаимопереплетенность трех самостоятельных произведений сама по себе символична и свидетельствует об остром интересе к теме отечественной истории, выражающемся в попытках увидеть в историческом зеркале отражение сегодняшнего момента. Это и понятно, ибо на фоне политических дискуссий между полками ожиданий скорого развала страны и нарастанием крепнущей диктатуры очень своевременно выглядит обращение к исторической конкретике диктатуры-истребления и пафосу единства народа. В каких же отношениях пре-

бывают эти элементы вечной российской оппозиции в исторической драме? С этой точки зрения и взлягнем на предложенный Первым каналом «трехэтажный» сериал «про нас».

Исторический эпос триумфально открыла «Московская сага», само название которой как нельзя более удачно выражает взгляд ее создателей на события и героев. Именно сага. Неторопливое, даже некоторым образом величественное повествование о трудном драматическом противостоянии интеллигенции и неинтеллигентной власти. «Дом» (ну, естественно, «кремовые шторы»), противостоящий «травяному хаму». И, как концентрации «домашнего» мира, — угонченные, млеющие женщины, пишущие стихи, брошенные в занесенные вечной выголой лагерные бараки или на поля войны...

Напряженность любовной темы естественна, этого требуют и законы сериала, это обусловлено и свидетельствами культуры соответственного периода. Конечно, стержень «жди меня» может быть основным для повествования о судьбах этих поколений. Но в «Московской саге» отношения любви выстраиваются в другой, «куртуазной» логике: побеждающая «вечная женственность», обязательная принадлежность рафинированному типу культуры организует, строит и разрушает внутренний мир и покой героя.

Была эта тема разрушения красоты и культуры в трагических клубках исторических сюжетов эпохи? Несомненно. Сколько угодно судеб, рассказанных в доступных теперь воспоминаниях и дневниках. Но была ли эта тема — обострим ее за рамками фильма до предела — столь актуальной и «кремлевского горца» и поэта центральной? Тема культуры и власти, «интеллигенции» и «хамства» определяла эпоху? Вряд ли. Это мифологическая структура «восьмидесятников», в пределах



которой и выстраивает историческое пространство литературного повествования Василий Аксенов, по роману которого снималась «Московская сага».

Здесь конфликт между «Кремлем» и «Домом», «Кремль» — это Сталин. Он (его роль исполняет не профессиональный актер, а банкир В. Миронов) — сила стальная и спокойная, просто вследствие особой природы множачка себе подобных разнокалиберных монстров и монстриков. В фильме этот образ строится скорее не на основе анализа, а на основе синтеза, концентрируясь в символ. Причем, по логике фильма, «кремлевская» сила делает самое страшное — разрушает частную жизнь, личную судьбу.

Герои фильма разделены на тех, кто причастен к «Дому», и тех, кто причастен к делу истории. Отсюда полная историческая безответственность «светлой» стороны. Хорошие люди — по определению жертвы. Нравственность — категория абсолютная. Хотя совершенно очевидно, что все тектонические процессы истории происходили при активном участии и теоретическом обеспечении той самой разночинной интеллигенции, многие поколения которой жили в «Доме». Между полюсами благородства Бориса Градова (В. Соломин) и низости, скажем Нугара Ломадзе (А. Резаин), было очень много оттенков. Но оттенки взрывают схему «восьмидесятников» — противостояния культуры и власти, мешают самодобованию обитателей «Дома», требуют драматического анализа глубинных пластов идейного, а по сути, конечно, метафизического спора времени, противоречий в душах героев, а потому просто игнорируются.



КИНОМЕХАНИКА

В центре саги долгие истории про любовное томление всех попадающих в сферу воздействия Клеопатры — Вероники (Е. Никитина). Сага свернулась в частности отдаленных историй. Правда, главный сюжет о времени, которое не щадит любви, обременен драматическими эпизодами, в которых есть неподдельный трагизм. Мать Майи (И. Купченко) — действительно раздавленный эпохой человек. В нескольких минутах экранного времени разворачивается судьба человека: в вежливо отсутствующих глазах появляется интерес, только когда она говорит о своем арестованном муже, а затем этот интерес превращается в истерическое возбуждение, свидетельствующее о безумии героини. Такова и умная, добродушная, лениво-ироничная Т. Самойлова.

Примеры можно умножать, но суть останется прежней: в сагу незаконно проникла мелодрама, рецепт приготовления которой экстравагантен, но безошибочен в употреблении: аниелюбность дам, кавалерственная выправка мужчин, непроницаемость злодеев (немного вет восемнадцатом веке, но надежно), держаливый каменный простор Красной площади как свидетельство успеха героев, немного хорошо знакомых исторических названий — и зрительская аудитория соглашается: «Кремль» против «Дома». (Ввиду специфики нашей газеты позволим замечание, что драма-то началась с бунта «Дома» против «Храма», но это разговор особый).

Тему подхватила серия «Дети Арбата», построенный по той же схеме, что и предыдущий: противостояние «Кремля» и частной судьбы. Только решается этот конфликт и в его внешнем композиционном, и во внутреннем психологическом пластах значительно сложнее. Он строится на противоречии, в пределе, доходящем до парадокса. Авторы попытались увидеть Сталина в его человеческих слабостях, физической немощи. Старик, кутающийся горло старой шалью, согревающийся чаем с лимоном, — причина и источник страданий целой страны. В общем, шекспировский ход, ибо хорошо известно, что великий драматург любви оставляет своих тиранов наедине с их собственной человеческой немощью. Тогда можно поставить вопрос: тиран — источник рока или его орудие? Но эта тема слишком ответственна и непроста для роли композиционного противовеса даже в сложной исторической драме.

Естественно, вся эмоциональная энергия и создателей фильма, и зрителей оказалась направлена на историю любви и смерти Сашки и Вари, историю, рассказанную нервно, темпераментно, захватывающе. Непреодолимость любви — непреодолимость обстоятельство. Но от того ли, что очень удачны актерские подания — трепещущая, болезненно мучка Варя (Ч. Хаматова) и внутренне сосредоточенный, сконцентрированный Саша (Е. Цыганов), — только история их любви действительно исполнена горького трагизма. Здесь «век в олокодав» и вправду словно гонится за ними, подстерегая в самых отдаленных и неприглядных углах. В обреченности их жизни, в форме их гибели есть момент мелодраматизма. Но это — высокая мелодрама, предполагающая чистоту и хрупкость чувств.

Авторы фильма видят действительность сложно, конфликт проходит через душу героев. Гипноз «возвезд» — это не просто маскировка готовых на подлость единички или масс, это яд, наркотик идеи, который совсем неспроста выявлять. Ясность взгляда дается либо чистым душам, либо достигается страданием



Фото с сайта www.sputnik.ru

и борьбой с собственным мраком в душе. Во всяком случае, в «Детях Арбата» человек сложен и пронзаем, потому оказывается не только исторической жертвой, но и исторически ответственной личностью. А это уже совсем другой уровень обсуждения проблемы.

Заключается сериальная эпопея фильмам Говорухина «Благословите женщину», который оказывается уже чистойродной мелодрамой и чистопородным ретро. Режиссер С. Говорухин словно демонстративно любит женскую верность, кротость, доброту, золотом волос героини, ее тихим внутренним строем. Это — апогеетика, что и не скрывается. Не скрывается и столь любимая социалистической эстетикой схема воздаяния за правильное моральное и общественное поведение. Воздаяние тоже правильное — дом (без символической нагрузки), работа и большая любовь.

Но Говорухин в свойственной ему напористой манере даже о «тишине» своей героини Веры (С. Ходченкова) заявляет «громко», в формате «вот идеал, благословите!». Он со вкусом перебирает подробности облика, платья, ажи, интерьеров. Хочется с ним согласиться, действительно — тепло и красиво, человечно. Стиль чувствования эпохи, ритм мышления — вот что в центре внимания фильма. История со всеми ужасными катаклизмами лишь фон, на котором развивается человеческая жизнь. Если, впрочем, не обрывается на поворотах этой самой эпохи.

Сериальная эпопея Первого канала вызвала интерес. Было ли это серьезным, скажем, мужским, художественным исследованием исторических путей России? Пожалуй, нет. Скорее, это было женственное сокрушение о несостоявшемся, о несбывшемся, об обещанной, неданной радости. Что тоже хорошо и полезно. А суровая и весомая правда, наверно, откроется в свое время. Видно, еще не готова художественная оптика для ее определения. ●



Фото с сайта www.govoruhin.net

Где можно купить «Татьянин день»:

- Церковная лавка домового храма св. мц. Татьяны. Адрес: Б. Никитская, 1, метро «Охотный ряд», «Боровицкая», «Арбатская»
- Книжные точки «Аргумента» в МГУ им. М. В. Ломоносова
- Магазины «Православное слово». Адрес: ул. Пятницкая, 51/14 стр. 2, метро «Новокузнецкая», «Третьяковская»
- Магазины «Троицкая Книга». Адрес: 2-й Троицкий переулок, 6а, метро «Цветной бульвар»
- Книжная лавка. Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь. Адрес: Крестьянская пл., 10, метро «Пролетарская»
- Книжная лавка. Сретенский ставропигиальный мужской монастырь. Адрес: ул. Б. Лубянка, 19 стр. 1, метро «Лубянка»
- Книжная лавка. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, старопригильный мужской монастырь. Адрес: г. Сергиев Посад, Свято-Троицкая Сергиева Лавра.
- Книжная лавка. Собор Казанской иконы Божией Матери. Адрес: ул. Никольская, 3, метро «Охотный ряд», метро «Театральная», метро «Площадь Революции».

Объявление:

Православной организации требуется оператор ПК. Уверенный пользователь. Знание программ Word, Excell. Знание основ складского учета. Возраст от 25 до 40 лет. Контактный телефон: 916-29-01



ПРАВAYA.RU

православно-политический сайт

Редакция православно-политического интернет-проекта ПРАВAYA.RU приглашает к сотрудничеству на внештатной основе православных журналистов и других заинтересованных лиц.

В разделе «Правые мысли» мы публикуем рецензии и отклики на новые кинофильмы, книги, альбомы, выставки и др. Нам интересно люди, которые хотят высказать свое квалифицированное мнение по поводу современного кино и театра, телевидения и музыки, литературы и искусства.

Главным требованием для соискателей является умение интересно и не поверхностно писать об актуальных культурных (и не только) событиях с православных позиций.

Вопросы по условиям сотрудничества и образцы своих работ присылайте по e-mail: pravaya@pravaya.ru или по телефону: (095) 631-2963

«ТАТЬЯНИН ДЕНЬ»

Издается с января 1995 года

Учредитель — община Университетской церкви святой мученицы Татьяны

Главный редактор: Любовь Макарова, филфак

Ответственный секретарь: Мария Зубарева, журфак

Редактор политического отдела: Елена Жоска, философ. ф-т

Редакционный совет: Наталья Довгала, экономфак, Юльяна Годик, журфак, Елена Дятлова

Бюллетень редактор: Анастасия Ванюшин, филфак

Корректор: Екатерина Дубосарская, филфак

Интернет-поддержка: Сергей Куартизов

Художник: Татьяна Руската

Дизайн-макет: Максим Севастьянов

Компьютерная верстка: kinoshnik

При перепечатке ссылка на «Татьянин день» обязательна. Редакция не имеет возможности вступать в переписку, рецензировать и возвращать не заказанные ею материалы. Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов публикаций.

Наш адрес: 103009, Москва,

Большая Никитская, 1.

Газета зарегистрирована в Министерстве

печати РФ, свидетельство о регистрации

№013 825 от 23 июня 1995 года.

Тел.: 203-34-58.

Тираж 3000 экз.

Номер подписан в печать 16.01.2005 г.

E-mail: td@st-tatiana.ru

По вопросам распространения пишите нам по электронной почте:
rasprostranitel@st-tatiana.ru
Сайт: www.st-tatiana.ru